

Сандра Барро

Тайна доктора Авроры

Сандра Барро

Тайна доктора Авроры

<https://litres.ru/73833882>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я жила как все обычной жизнью. Ветеринар с многолетним стажем. Только вот дома меня никто не ждал. Ни мужа, ни детей. Даже цветы в горшках не приживались. Нелепая случайность оборвала мою жизнь, и открыла дверь в новый мир. Теперь я, леди Аврора Рэдклифф. А рядом со мной — загадочным образом, переместившийся рыжий кот, принесённый бездомным человеком на порог клиники. Приключения, немного магии, юмора и, конечно Х. Э.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	157

Тайна доктора Авроры

Глава

Тайна доктора Авроры.

1.

Кап. Кап. Кап... Монотонный звук капель, разбивающихся обо что-то металлическое, настойчиво вытаскивал моё сознание из пустоты. Я медленно села, придерживая гудящую голову, и открыла глаза. Сначала было ощущение падения. Головокружение не резкое, а странно плавное, как будто кто-то нежно отрывал меня от земли, где-то под кожей разливалось тепло, но не живое, а будто чужое.

Комната...

Потолок. Высокий, с лепниной и потрескавшейся побелкой. Где неон, где лампа дневного света? Зрение сфокусировалось: вместо белых кафельных стен клиники вокруг были стены цвета слоновой кости, драпировки, камин...

Моргнув, я попыталась спустить ноги и тут же вскрикнула. Движение отдалось глухой болью в плечах, грудь сдавило, как будто я натянула на себя чужую кожу. В висках стучало. Я опустила взгляд.

Тело. Не моё. Худошавое, гибкое. Руки тонкие, как у де-

вочки. Под ночной сорочкой грудь не та, к которой я привыкла. Волосы длинные, струящиеся по плечам, светлые, почти блёкло-золотистые. Я схватила прядь и уставилась на неё, будто на змею. Холодные пальцы дрожали.

Что это? Где я? Кто я? Это сон или наркоз? Это чёртов инфаркт и клиническая смерть? На секунду захлестнула паника. Сердце забилося учащённо, в груди стало тесно, как будто грудную клетку обвили тугие ленты. Вскочила, но ноги запутались в длинной ночной рубашке, и я пошатнулась, едва не упав. В комнате было холодно: в камине давно погас огонь. Каменный пол жалил пятки. Пол! Кто кладёт камень в жилых помещениях?!

Зеркало.

Оно стояло в углу, огромное, в резной раме. Я насторожённо подошла ближе. Отражение словно задержало дыхание. На меня смотрела девушка. Совсем юная. С лицом, сошедшим с портрета, и с огромной ссадиной на лбу. Зелёные глаза — такие яркие, что казались нереальными. Тонкая шея, чуть приоткрытые губы, в которых было удивление, страх и что-то ещё, будто она тоже не знала, кто перед ней.

– Это... я? – прошептала я.

Эхо проглотило слова.

В голове начали всплывать чужие образы. Мужской голос, тёплый, добрый. Сад, птица с перебитым крылом. Девушка, плачущая над умирающим щенком. Женщина в чёрном, холодная, как лёд. И имя. Чужое имя, но почему-то знакомое.

Аврора. Леди Аврора Рэдклифф.

Я закрыла лицо ладонями. Всё тело дрожало. Не от страха — от чего-то более глубокого, необъяснимого. Душа, как будто сорвавшаяся с привычного крючка, пыталась вжиться в новую оболочку. Я снова посмотрела на отражение в зеркале. Светловолосая, с изумрудными глазами, полными тревоги. Черты лица... красивые. Слишком. Аристократичные. Но испуганные, как и я.

– Это... шутка? – выдохнула я. Голос прозвучал выше, чем я ожидала. Мягкий, мелодичный. Совсем не мой.

Я дотронулась до щеки – отражение повторило жест. Нет, это не сон. Сон не может так пахнуть: древним деревом, гарью из камина, пылью, дождём и... розмарином? Слишком много запахов. Слишком чётких.

«Это тело не моё.». Не Елены Борисовны Разиной.

В голову, как иголка, вонзилась мысль. Глупая, дикая, но неизбежная. Что-то пошло не так. Что-то случилось... там. В клинике. С котом. С лампой. Я схватилась за край туалетного столика, чтобы не упасть. Сердце билось — не моё, но бешено. Оно тоже боялось.

– Леди Аврора?

Я вжалась в стену, как загнанный зверь. Голос снаружи был женским, робким и, как мне показалось, юным.

– Простите... Я могу войти?

Что-то в тоне было искреннее, заботливое.

– Да... – прошептала я, не узнав свой голос.

Дверь открылась, и в комнату вошла невысокая девчушка в простой серой юбке и фартуке. Служанка. Настоящая. Как в кино. Она остановилась, застыла на пороге, будто боялась дышать.

– Леди, вы... вы хорошо себя чувствуете?

Я посмотрела на неё. В голове крутилось одно слово: актриса? Но нет. Лицо у неё вошедшей было такое настоящее, с веснушками, тонкой кожей, насторожёнными, как у лани, глазами. Никакая актриса так не сыграет.

– Как тебя зовут? – спросила я с трудом, чувствуя, как тяжелеет язык.

Служанка моргнула удивлённо, почти испуганно. И всё-таки присела в неловком реверансе.

– Бетси, леди. Простите... Я не хотела вас напугать... – пролепетала она. – Просто лорд Рэдклифф велел узнать, как вы себя чувствуете. И завтрак уже на столе.

Я судорожно вдохнула, пытаюсь взять себя в руки. Сказать: «Я не леди Аврора»? Глупо. Кто мне поверит? Стоит признаться, и сразу окажусь в сумасшедшем доме. Или здесь всё куда хуже, и за «ведьмовство» сожгут без суда?

– Спасибо, Бетси. Я... неважно спала. Голова немного кружится. И... – я замялась, проклиная себя за то, что забыла самую простую человеческую вещь. – Скажи... а где тут... комната? Ну... ну... туалет?

Она моргнула. В её взгляде промелькнуло искреннее изумление, будто я попросила научить меня летать.

– Простите, миледи?

Я опустила глаза. Чувство неловкости накрыло с головой.

– Ну, ты понимаешь... справиться нужду.

– А-а! – просияла Бетси, облегчённо кивнув, будто теперь-то всё стало ясно. – Конечно! Простите, леди, я сразу не подумала. Позвольте, я сейчас всё приготовлю, – и поспешно скрылась за дверь в соседнюю комнату, где, как я поняла, располагался некий аналог уборной.

Да уж... Насколько я понимаю, никаких удобств, никаких дверей с замками. Только эмалированные кувшины, тяжёлые ночные горшки и тихий стыд. Минут через пять она вернулась и робким жестом пригласила меня.

– Всё готово, леди. Я вас подожду здесь, если угодно. Или... могу помочь?

– Нет! – выпалила я слишком резко. Бетси вздрогнула. – То есть... спасибо. Я справлюсь сама.

В маленькой комнате за ширмой стоял расписной фарфоровый ночной горшок. Рядом — кувшин с водой, таз и крохотное полотенце. Окно было приоткрыто, в ноздри ударил запах дождя и влажного мха. Я подошла, приподняла подол и села, проклиная всё на свете: эпоху, судьбу... и, конечно, тот ламповый звон, с которого всё началось.

Когда я вернулась, наскоро закончив свои дела и даже немного умывшись, Бетси встретила меня взглядом, полным сочувствия и понимания.

– Всё в порядке, миледи?

– Пока да, – пробормотала я. – Хотя бы это.

Девушка стояла рядом и теребила передник. Я искоса посмотрела на неё. Что ей ещё от меня нужно? Это же не отель, где всё включено, и она не ждёт от меня чаевые?

– Леди. Лорд Рэдклифф. Он ещё интересовался, вы уже можете встать или вам принести завтрак сюда?

Ага. Понятно. Надо вставать, это не санаторий. Мне ужасно не хотелось выходить из комнаты, но бесконечно прятаться под одеялом я не могла. Да и не в моих правилах было так поступать. Я всегда встречала неприятности с открытым забралом. Так... Как там обычно в фильмах происходит? Нужно что-то надеть, вряд ли я сама с этим справлюсь.

– Спасибо, Бетси... Я встану. Помогите мне одеться... – я замялась. – Я... чувствую, что мне немного нехорошо, но нужно привести себя в порядок.

– Конечно, леди. Я всё приготовлю.

Бетси бросилась к гардеробу, явно радуясь возможности заняться привычным делом. А я отвернулась к окну. Снаружи расстился пейзаж, не имевший ничего общего с Москвой: аккуратные газоны, фонтан, дорожки, вдали роща, с которой спадал утренний туман. А в центре всего этого сидел... кот. Рыжий, огромный, похожий на мейн-куна, мокрый от дождя. Сидел прямо на каменном парапете и смотрел на меня. И снова этот жаркий холод по спине. Он был тот самый.

– Твою же... – прошептала она.

– Что, леди? – обеспокоенно отозвалась Бетси.

– Ничего. Показалось.

Бетси суетилась, расправляя платье, тяжёлое, вычурное, цвета старых фиалок, со сложной вышивкой вдоль корсажа. Я же не отрывала взгляда от окна. В комнате запахло лавандой и воском. Девушка расставляла туфли, поправляла шнуровку, приколотые банты. Всё это казалось диким, словно я попала в интерактивный музей, где посетитель оказался экспонатом.

– А... где остальные? – спросила я. Голос всё ещё был чужой, но уже немного слушался.

– Ваш отец, миледи, велел не тревожить вас до обеда, если вы ещё больны. Мисс Фелисити... Она очень переживала, – Бетси замялась. – Сказала: вы слишком впечатлительная.

«Переживала, ага», – мысленно скривилась я и с удивлением поняла, что это не мои мысли.

– А что случилось со мной? – осторожно спросила я.

Бетси подняла глаза, явно взвешивая, можно ли говорить:

– Вы... упали с лестницы. На нижнем крыльце. Ударились головой. Вы не помните?

Она явно пыталась казаться спокойной, но в её глазах мелькнул страх. Настоящий. Как у ребёнка, внезапно увидевшего, что мама говорит чужим голосом.

Я с усилием улыбнулась. Губами, которые не слушались.

– Просто... голова всё ещё гудит. Наверное, от удара. Я... чувствую себя странно. Как будто всё в тумане.

Девушка облегчённо выдохнула.

– Это нормально! После падения... И крови было много...

Мы все очень испугались, особенно лорд. Он никуда не отходил от вас первую ночь.

Я села на стул, чувствуя, как ноги предательски дрожат. Лорд Рэдклифф. Отец? Или брат? Я не знала. Почти всё, что касалось этой жизни, было для меня тем же, чем и сон – зыбкой смесью чужих эмоций и образов. Но уже чувствовала: пока не узнаю больше, придётся притворяться. Я снова посмотрела в окно.

Кот не двигался. Просто сидел и смотрел, спокойно, выжидаяще. Как тогда. Только теперь в его взгляде было нечто иное. Почти человеческое. Будто он знал, что я не она. И в то же время... Будто знал, что это не имеет значения.

Я прикусила губу. Чужие губы. И это отчётливо напомнило, я всё ещё не знаю, что делать. «Спокойно, не паникуй, дыши, дыши всегда. Без паники. Чудес не бывает.». Эти слова я повторяла себе множество раз, когда работала в операционной. Но сейчас... Сейчас я была не врачом. У меня не было ни халата, ни инструментов, ни понимания, где я оказалась.

– Леди, простите, но вы точно чувствуете себя лучше? – снова заговорила Бетси, на этот раз с нотками тревоги в голосе. – Вы так пристально смотрите на кота...

Я вздрогнула.

– Ты тоже его видишь?

– Конечно, миледи. Это же мистер Марстен. Ваш любимец. Вы его с улицы принесли прошлой весной, когда он был весь в грязи и с больной лапкой. Вы никому не дали его тронуть, сами выхаживали. Даже доктору не доверяли. Помните?

Марстен. Я резко обернулась, глядя на неё.

– Марстен... – прошептала я, пробуя имя на вкус. Оно не отзывалось. В памяти не было ни одной картинки, ни одного воспоминания — только пустота. Но в груди что-то дрогнуло, лёгкое, как затухающая искра. Возможно, это была эмоция Авроры. Или просто совпадение?

– Миледи... А вы... точно помните, кто он?

– Конечно, – я утвердительно кивнула. – Просто всё ещё кружится перед глазами. Показалось, что это другой кот.

– Бетси... – заглянула в глаза служанке. – Ты мне поможешь, если я... если я иногда что-то забуду? Моя память как будто стала немного не в порядке.

Девушка прижала ладони к переднику, глаза её округлились.

– Конечно, миледи. Конечно! Я буду с вами, честное слово. Я никому ничего не скажу... – она понизила голос до шёпота: – Даже если вы совсем ничего не вспомните... Всё равно буду помогать. Вы всегда так добры к нам. Только не бросайте Марстена: он без вас совсем дикий станет.

Я невольно улыбнулась.

– Спасибо, Бетси. Я постараюсь вспомнить. Обо всём.

Она снова кивнула, чуть не плача от гордости, и тут же взялась расчёсывать мои волосы — длинные светлые пряди, напевая под нос тихую песенку. Я смотрела в зеркало и видела лицо, которое постепенно начинало принимать моё отражение. Не Елены Борисовны Разиной. Не доктора, не женщины, обременённой делами и чувством долга. А совсем другую.

Леди Аврора Рэдклифф. Девушка с зелёными глазами и котом по имени Марстен.

И в этот момент мне показалось, что зеркало... чуть дрогнуло. Будто отражение, как и я, только училось жить в этом теле.

2.

– Всё готово, миледи, – прошептала Бетси, затянув последнюю ленту на корсете. — Вы... прекрасны.

Я посмотрела на себя в зеркало. Лицо, которое уже начало казаться моим, смотрело в ответ с тихой решимостью. Девушка в лавандовом платье, с высоко уложенными волосами, с тонкими бровями и ссадиной на чуть нахмуренном лбу. — Спасибо, Бетси.

– Помните... если что-то пойдёт не так, я буду рядом.

Я кивнула и шагнула к двери.

Коридоры дома Рэдклиффов были узкими и тёмными, с высокими потолками и причудливо расшитыми коврами. Лестница скрипела под ногами, но, к счастью, я не упала, хо-

тя тело, казалось, всё ещё помнило последнее падение. Наконец ступени закончились, и я оказалась в холле, откуда доносился аромат еды и приглушённые голоса.

– Аврора, наконец-то! – раздался мужской голос, и я тут же узнала его.

Он. Лорд Рэдклифф. Отец. Мужчина поднялся из-за длинного стола и тепло улыбнулся.

– Как ты себя чувствуешь, дитя? Голова не кружится?

Я кивнула.

– Всё в порядке, отец. Немного слабость... но это, наверное, после падения.

– Конечно, конечно. Присядь. Тебе нужно поесть, – он подвёл меня к стулу рядом с собой. – Суп с курицей, как ты любишь.

Словно по волшебству, передо мной появилась наполненная тарелка. Я была приятно удивлена, увидев стол, заставленный разнообразными блюдами. Однако затем я поняла, что завтрак, вероятно, самое значимое время для приёма пищи в этой семье. Села, сложив руки на коленях, и огляделась вокруг. Холл представлял собой просторное помещение с высоким сводчатым потолком, который поддерживали изящные колонны из тёмного дуба. Стены были покрыты старинными гобеленами, изображающими сцены охоты и мифологические сюжеты. Однако, несмотря на всю роскошь обстановки, в ней ощущался явный упадок. Ковёр на полу был выцветшим, а белая льняная скатерть – затёртой.

Осмотревшись по сторонам, я кинула быстрый взгляд на домочадцев.

Младшая сестра Фелисити, лет шестнадцати, обладала кукольным личиком и надменным взглядом. Мне сразу же захотелось узнать, на сколько лет я её старше. Вероятно, она была избалованной и капризной, как многие подростки. Увидев меня, она слегка дёрнула уголками губ и сразу отвернулась.

– Доброе утро, Аврора, – бросила она рассеянно. – Надеюсь, ты уже в состоянии отличить нож от вилки?

– Фелисити, – строго заметил лорд. – Аврора едва не погибла.

– Конечно, отец, я просто шучу, – промурлыкала она и занялась своими тостами.

Дальше сидела вдова-тётя леди Агата. В чёрном кружеве, с лицом, будто высеченном из сухого фарфора. Её взгляд был... оценивающим. И недобрый. Память Авроры подкидывала мне имена и ситуации. Это позволяло не впасть в панику и хоть как-то контролировать ситуацию.

– Падения, дорогая, – произнесла тётка с лёгкой жеманностью, – происходят не из-за лестниц, а из-за слишком лёгкой головы. Это может случиться, если проводить слишком много времени в обществе простолюдинов и животных.

Я чуть не подавилась ложкой.

– Агата, – рыкнул отец.

Но леди только пожала плечами, отпила чаю и продолжи-

ла, будто ни в чём не бывало:

– Что я сказала не так? Вместо того, чтобы бегать с этим котом по лестницам, лучше бы ты не пропускала уроки музицирования.

Что?! Музицирование? Я не могу правильно пропеть ни одной ноты. А вид фортепьяно вводит меня в ступор, как космический корабль африканского аборигена. Единственная песня, которая мне всегда удавалась и которую я осмелилась подпевать Кикабидзе в караоке в компании коллег — это «Мои года, моё богатство». И то лишь потому, что в ней не нужно обладать слухом, достаточно просто произносить слова.

Я опустила взгляд. Краем глаза увидела: под столом кто-то проскользнул. Кот. Марстен. Сел у моих ног, положив лапы, как страж. Он смотрел на них всех, как я, выжидательно. И молча.

– Не понимаю, зачем он в доме, – заметила Фелисити с отвращением. – Эта... тварь постоянно на лестнице, от него вечно шерсть и запах.

Я молча накрыла его хвост краем юбки.

– Он не мешает, – сказала я тихо.

Ответ повис в воздухе. Фелисити только фыркнула и отхлебнула чай. В этот момент дверь в столовую открылась. Сначала слышались шаги — лёгкие, размеренные, а затем в проёме появилась она.

Мачеха. Я поняла это сразу. Ни одна мать не смотрела бы

на дочь с такой нарочитой любезностью, под которой сквозила настороженность. И раздражение. Она не подошла, не обняла, а просто прошла мимо.

– О, Аврора, ты наконец-то решила нас почтить своим присутствием, – голос был мягкий, тягучий, как липкий сироп, и оттого только наиграннее.

Она была невероятно красива. Высокая, хрупкая, с идеальной осанкой. Светлые волосы, убранные под под чепец, глаза цвета холодной стали и губы, которые никогда не улыбались без расчёта.

– Доброе утро, леди Мэриэн, – ответила я как можно вежливее.

– Как твоё здоровье? – поинтересовалась та, подходя ближе и склоняя голову с вежливым участием, которое не касалось глаз.

– Лучше, благодарю, – ответила я, не в силах оторвать взгляда от её тонких пальцев, скользнувших по спинке кресла отца. Она задержалась рядом с ним ровно настолько, чтобы напомнить всем: здесь она хозяйка.

Лорд Рэдклифф поднялся, поцеловал изящную руку по всем правилам. Он всё ещё смотрел на меня с беспокойством, но Мэриэн уже успела встать между нами: не телом — взглядом.

– И всё же, – продолжила она, с королевским достоинством усаживаясь на стул, – мне показалось... или ты ведёшь себя немного странно? Ты смотришь на меня так, словно не

узнала. Или это только мне показалось?

Фелисити тут же оживилась, скосив на меня глаза. Вся эта ситуация невероятно напрягала. Я чувствовала себя «Штирлицем» в немецком гестапо, близким к провалу. То, что родственнички относились к Авроре пренебрежительно, было видно невооружённым глазом. Ну, кроме отца, конечно. Лорд питает нежные чувства к старшей дочери и пытается всячески оградить от нападок. Чтобы скрыть замешательство, я нагнулась и почесала рыжика за ухом.

– Видимо, я ещё не до конца оправилась от падения, – сказала я. – Простите, если это выглядело невежливо.

– Ну, бывает, – Мэриэн кивнула. – Но помни, милая, никто не станет ждать, пока ты вновь научишься смотреть на меня уважительно. – Её губы изогнулись в тонкой усмешке.

Я уже собиралась ответить, как вдруг дверь снова распахнулась, и в комнату ввалился молодой человек.

– Простите за опоздание, – весело объявил он, снимая перчатки. – Утренние дела в конюшне заняли больше времени, чем я ожидал. Фелисити, ты снова заняла моё место.

– Глупости, Генри, – пропела сестра. – У тебя нет места, пока ты не перестанешь пахнуть лошадьми.

– Генри, племянник, – с некоторой усталостью сказал лорд, – рад, что ты присоединился к нам наконец.

Генри. Кузен. Высокий, крепкий, с непослушными каштановыми волосами и озорной улыбкой, он быстро оглядел стол, затем задержался на мне. Его брови чуть приподня-

лись.

– Рад видеть, что ты снова на ногах, Аврора, – сказал он.

– Ты ведь меня не ударишь, если я сяду рядом?

– Постарайся не упасть со стула, – фыркнула Фелисити.

– Тогда мы оба будем в равных условиях, — парировал он и с лёгкостью опустился рядом со мной.

– Ты всегда чересчур весел, – вмешалась леди Мэриэн, не поднимая глаз. – Особенно в неподходящее время.

– А я считаю, что завтрак – как раз подходящее время для веселья. Лучше, чем похоронный обед, – сказал он, и его взгляд мельком скользнул по Мэриэн. Между ними явно что-то было.

– Спасибо, что не забыл нас порадовать своим остроумием, – тихо буркнула тётя Агата.

Генри чуть повернулся ко мне и, понизив голос, спросил:

– А ты, сестричка, как себя чувствуешь? Падение было серьёзным, насколько я понял.

Я кивнула.

– Немного кружится голова. Но жить можно.

– Хорошо, что ты уцелела. Без тебя здесь было бы совсем скучно.

Я бросила на него взгляд. Он улыбался, но я не могла понять, чего ожидать от этого шутника. Его слова звучали как-то неопределённо: то ли он действительно был рад, то ли просто шутил.

Под столом Марстен тихо заурчал и ткнулся носом в мою

лодыжку. Я осторожно потянулась, чтобы опять почесать его за ухом, и вдруг поняла: впервые с утра я чувствовала не напряжение... а лёгкую тень тепла, именно потому, что Марс был рядом. Я решила сократить его кличку до более удобной. Ведь моя голова и так шла кругом от огромного потока информации.

Мэриэн пригубила кофе и, ни на кого не глядя, произнесла:

– Надеюсь, теперь ты будешь более благоразумна, Аврора. Мы так переживали. Особенно Фелисити. Она всю ночь не могла заснуть.

– Я прекрасно спала, – безразлично отозвалась язва сестрёнка, хрустя тостом.

– Неудивительно, – пробормотала я и сама испугалась, что сказала это вслух. Мне вдруг показалась, что банка с пауками захлопнулась.

Наступила тишина. Марстен фыркнул и ткнулся носом мне в щиколотку, словно поддерживая. Генри усмехнулся уголком губ. Лорд Рэдклифф с тревогой посмотрел на меня, но промолчал. Мэриэн же... лишь холодно приподняла бровь.

– Кажется, наш маленький котёнок подрос, – тихо произнесла она. — Надеюсь, это не приведёт к новым... падениям.

Я посмотрела в чашку. Чай был тёплым и терпким, как будто бы напоминал о чём-то настоящем, но далёком. Я понимала, что этот дом, словно сцена, на которой мне предсто-

ит играть свою роль, пока я не разберусь во всех правилах. Но в одном я точно была уверена: я никому не позволю обижать ни Марса, ни себя.

– Прошу меня извинить, – сказала я, поднимаясь со стула.
– Кажется, у меня вновь начала болеть голова.

– Конечно, милая, – с подчёркнутой заботой сказала мачеха. – Отдых тебе не повредит. Это лучшее лекарство... особенно от излишней дерзости.

Я не стала отвечать. Просто слегка склонила голову и двинулась к выходу. Марс тут же, как маленький телохранитель, встал и последовал за мной. Я чувствовала на себе взгляды: некоторые с любопытством, некоторые с явным удовлетворением, как будто я сдалась в неравной схватке. Но шла я с достоинством. По крайней мере, старалась.

В коридоре меня догнал Марс. Он пробрался незаметно, как всегда, и теперь ступал рядом, будто знал, что я на пределе. Я обернулась, чтобы убедиться, что нас никто не видит, и присела на корточки.

– Хороший мальчик, – прошептала я, почёсывая его за ухом. – Ты хоть один не двуличный.

Он ткнулся мордой мне в грудь и замурлыкал.

3.

Я открыла дверь в комнату и, едва переступив порог, повернулась к Бетси.

– Ты можешь идти. Я хочу немного побыть одна, – тихо сказала я.

– Конечно, миледи, – она быстро поклонилась, но перед уходом бросила обеспокоенный взгляд. – Если вам что-то понадобится...

– Я позову, – пообещала я, и дверь мягко закрылась.

Комната встретила тишиной. Не тягостной, а почти родной. Я прошла к окну и распахнула его настежь, впуская в комнату свежий воздух, пахнущий мокрой землёй и цветами с нижнего сада. Марс, теперь просто Марс по-свойски запрыгнул на подоконник и улёгся, внимательно глядя на меня янтарными глазами.

Когда я встала напротив красавца почти вплотную и заглянула ему в глаза, меня поразило, что вижу перед собой не просто кота. Его взгляд был таким глубоким, почти человеческим. В нём не было страха, только понимание.

– А ведь всё началось из-за тебя, – произнесла вслух, не отводя взгляда. – Из-за тебя я умерла.

Яркая картина возникла перед глазами, словно вспышка лампы в клинике.

Я была единственным ребёнком в семье. Нельзя сказать, что родители не любили меня, но у них всегда было очень много дел и почти не оставалось времени заниматься дочерью. Мы жили в Тульской области, и наша квартира распола-

галась на территории военного городка. Отец был начальником штаба батальона и постоянно пропадал на службе. Борис Григорьевич Горбатенко отличался высоким ростом и внушительными габаритами. Когда он появлялся, подчинённые невольно вытягивались в струнку. Никому не хотелось попасть под горячую руку начальства. В гневе он был страшен. Но вся его бравада и строгость продолжались ровно до того момента, когда он переступал порог дома. Здесь он становился абсолютным и безоговорочным подкаблучником.

Мама была необыкновенно красивой женщиной: неудивительно, что отец её очень любил и потакал во всём. Несмотря на то, что в те годы в нашем небольшом городе было сложно найти приличные наряды, Вера Фёдоровна всегда выглядела безупречно, как и подобает учителю русского языка и литературы.

И у неё всегда была одна мечта – переехать в Москву.

– В Москву, в Москву! Как у Чехова, помнишь? – повторяла она отцу.

Я была совсем ещё маленькой и с восхищением смотрела на мать. Тогда я не знала, кто такой Чехов, и думала, что Москва – это какая-то волшебная страна, где живут красивые, важные люди, ходят по театрам, пьют кофе из прозрачных чашек. Мама грезилась этим городом, как Золушка балом. А я... Я грезилась тем, чтобы она просто села рядом и почи-

тала мне сказку на ночь. Но у Веры Фёдоровны всегда были дела: методички, планёрки, родительские собрания. Или мечты. А я вечно была где-то на периферии её мира.

Меня растила бабушка, мать отца. Которую вызвали в срочном порядке из Полтавской области, чтобы заботиться обо мне. Я часто болела, и соседки сначала с радостью соглашались посидеть с захворавшим ребёнком, потому что не хотели отказывать жене начальника штаба. Однако со временем они утратили энтузиазм и начали находить неотложные дела.

Мария Николаевна – баба Маня. Женщина крепкая, немногословная, с натруженными руками и удивительно добрыми глазами. Она меня жалела не громко, не жалобно, а по-своему. Варила суп, клала в мою тарелку побольше мяса, гладила мои густые непослушные волосы и говорила:

– Ты у нас не красавица, Леночка. Зато душа у тебя добрая. А душа – это важнее.

Я тогда верила ей. Потому что в школе со мной редко кто дружил. Я была крупной, нескладной. В тринадцать быстро полезли прыщи, и началась вечная война с одеждой: ничего не сидело как надо. И всё же я не была несчастной. Просто рано привыкла жить в одиночестве. Мне всегда было легче с животными: подбирала раненых воробьёв, лечила уличных котов, приносила домой щенков с перебитыми лапами. А бабушка лишь качала головой:

– Вся в моего брата. Тот тоже кошек в деревне спасал...

А потом случился переезд.

Мама добилась своего. Мы уехали в Москву. В тот момент бабушка уже покинула нас. Она ушла тихо, во сне, как и жила, никому не мешая. Я искренне оплакивала самого близкого человека, с которым меня связывала ниточка безусловной любви. Видя моё состояние, мама всё настойчивее убеждала мужа, что нам нужно выбраться из этого болота и для меня необходимо иметь перспективы.

Отец сначала упирался, но, как водится, сдался. Он списался с кем надо, перевёлся, хоть и ворчал, что там не служба, а показуха. И, наконец, мы оказались в шумной бетонной коробке на окраине столицы. Я тогда была подростком, в десятом классе. Всё вокруг было чужим: огромные дома, чужие люди, школа, куда надо было добираться три остановки на метро. Мне казалось, я утону в этом огромном городе.

Москва не ждала непрощенных гостей. Она была равнодушной и шумной. Я же была чужой в новом классе. Белой вороной среди стройных ярких одноклассниц, которые с презрением поглядывали на мои колготки, собирающиеся складками вокруг колен и щиколоток. Я всё больше осознавала, что хочу работать с животными. Фраза философа Вольтера «Чем больше я узнаю людей, тем больше люблю собак» звучала для меня как мантра. Животные не сравнивают, не смеются, не требуют быть кем-то другим.

И именно тогда я впервые попала в настоящую ветклинику. Была экскурсия. Я стояла, открыв рот, и не могла ото-

рваться. Белые халаты, аппаратура, стерильность... и добрые руки врача, который ласково разговаривал с хромящим псом.

В этот момент поняла – вот! Вот оно — моё место.

Поступление было сложным. Конкурс в Московскую академию ветеринарной медицины был сумасшедшим. Мама надеялась, что я стану «кем-то приличным» – филологом или, в крайнем случае, юристом. Но я настаивала на своём. Я зубрила ночами биологию и химию. В одно прекрасное утро сбежала на день из дома, чтобы тайком подать документы. И... поступила. Это был, наверное, первый раз в жизни, когда я по-настоящему гордилась собой. Не потому, что кто-то похвалил. А потому, что сама знала: я справилась.

Академия стала для меня вторым домом. Или, скорее, настоящим. Там никому не было важно, как ты выглядишь, во что одета или насколько ловко шутишь на переменке. Там имело значение, как держишь скальпель, сколько знаешь о клинических признаках у кошек с панлейкопенией и насколько умело можешь поставить внутривенный катетер. Я грызла гранит науки с таким упорством, что даже самые суровые преподаватели со временем начинали относиться ко мне с уважением.

Пятилетний марафон закончился дипломом с отличием и распределением в районную ветеринарную клинику на окраине города. Небольшая поликлиника, тесные кабинеты, очередь из бабушек с кошками в авоськах, запах йодоформа, ли-

нолеум с пузырями. Но я была счастлива. Я носилась между приёмами, ассистировала на операциях, выходила по ночам к «тяжёлым» животным, подбирала на улице щенков, сама же и лечила их.

Первые годы были похожи на нескончаемую гонку. Уставала до потери пульса, ела на ходу, спала в ординаторской. Но это было по-настоящему. Я чувствовала, что живу.

Потом пришли тяжёлые времена. Конец девяностых. Жизнь в стране встала с ног на голову. Люди экономили на всём: еде, лекарствах, отоплении. О животных вспоминали в последнюю очередь. Клиника пустела. Мы покупали бинты и шприцы за свой счёт, приходили на работу с термосами, чтобы не тратиться на столовку, грелись у старенького обогревателя, который гудел, как самолёт. Некоторые мои коллеги ушли. Кто-то в частные клиники, кто-то совсем из профессии. Я осталась.

Страна трещала по швам. Людям было не до кошек и собак. Им самим нечего было есть. Хозяйки приходили, умоляя, плача: «Посмотрите, пожалуйста, собачку... Но денег нет, вообще нет...» И я смотрела. Лечила, чем могла. Когда бывало совсем плохо, ездила на рынок – менять то, что не жалко, на бинты и перевязочные материалы.

Зарплату нам выдавали то мукой, то банками консервов. В клинике стало пусто. Я сидела одна, иногда с очередным щенком под ногами и думала: может, зря? Может, надо было послушаться маму и стать кем-то «приличным»?

А потом приходили те, кто помнил. Те, кого я когда-то спасла. Они приносили хлеб, лекарства, просто тёплые слова. Это давало силы.

С личной жизнью как-то не сложилось. Был один. Мы познакомились случайно, он работал водителем. Часто заезжал просто поболтать, помочь перевезти собаку после аварии. Начали встречаться, а потом расписались. Всё было... тепло. Просто. По-домашнему. Муж обещал, что подкопит денег, уедет на заработки, а потом вернётся. И заживём.

Он уехал. И не вернулся. Я не стала долго ждать и подала на развод. (Только фамилию не стала менять: все знали уже доктора Разину.) После этого перестала думать о семье и женском счастье: просто привыкла. Работать оказалось легче, чем чувствовать.

Начало двухтысячных принесло перемены. Страна потихоньку выныривала из экономической ямы. Жизнь становилась стабильнее. Люди снова начали заботиться о своих питомцах. Накопив немного денег, взяла кредит и открыла маленький кабинет. Однокомнатное помещение в старом двухэтажном доме недалеко от центра, с ремонтом «а-ля своими руками». Пара клеток, два стола, стерилизатор и старенький УЗИ-аппарат. Но это было МОЁ.

Работала не покладая рук. Один за другим ушли родители. Сначала отец умер от инфаркта. А затем тихо угасла мама. Я осталась одна в трёхкомнатной квартире: без семьи, детей и мужа. Даже цветы у меня не приживались. Особен-

но тяжело было по вечерам и в выходные. Чтобы не думать об этом, я ещё больше загрузила себя работой. Принимала бесплатно пенсионеров с их Муськами и Дружками, выезжала на дом к парализованным животным, лечила практически за еду и спасибо. Люди шли. Сначала осторожно, потом увереннее. Репутация, как выяснилось, работает лучше любой рекламы.

Через несколько лет кабинет превратился в небольшую, но полноценную клинику. С хирургией, лабораторией, хорошей командой. Я стала «той самой ветеринаршей с душой». Меня узнавали на улице. Звонили в любое время суток. Приносили пирожки, цветы, письма с благодарностями. К шестому десятку лет я не стала особенно богатой. Но чувствовала, что проживаю свою жизнь правильно.

До того самого дня.

Рабочий день подходил к концу. Я как раз мыла руки, собираясь записать последние назначения в карточку пациента, как в приёмной послышались шаги. Лёгкие, торопливые. Потом стук в дверь и голос моей помощницы Машки:

– Елена Борисовна, там... – Она замялась, как будто не знала, с чего начать. – Там бомж. Принёс мейн-куна. Говорит, у подростков отобрал. Те его били... кота, я имею в виду. Хотя по виду и самого дядьку приложили как следует.

Я вышла в приёмную.

Он действительно был похож на человека, которого давно и безжалостно била жизнь. Лицо в синяках, глаза опух-

шие, изорванная куртка. Но в руках аккуратно завёрнутое в старую, но чистую рубашку рыжее чудовище с окровавленной мордой и почти выдранным ухом. Глаза у кота были янтарные, с какой-то невероятной глубиной и... пониманием. Огромные лапы, пушистый хвост, взгляд... испуганный, но не сломленный.

– Вы простите, – прохрипел мужчина. – Я не знал, куда ещё. Он же... живой ведь...

– Живой, – вздохнув, подтвердила я и жестом указала на стол. – Спасибо вам. Правда. Сейчас попробуем помочь.

Когда я коснулась кота, он тихо зашипел, но не сопротивлялся. Сломана лапа, сильный ушиб грудной клетки, ожоги, следы от сигарет на боку. Уродливые отметины чужой жестокости. Я обработала раны, поставила катетер, ввела обезболивающее, начала промывать ожоги.

И тут...

Резко вспыхнул свет – ослепительно, на долю секунды. Лампа над столом издала странный треск, словно захлебнулась и... взорвалась. Осколки осыпались вниз, я инстинктивно заслонила собой кота. В ту же секунду где-то за стенкой что-то загрохотало. Машка закричала:

– Пожар! Пожар! Электрощит!

Запахло палёной изоляцией. Я кинулась к двери. Чёрный дым уже полз по потолку, растекаясь по коридору вязкой зловещей массой. Мгновенно застучало в висках. Пожар в здании — страшнее не придумаешь. Мы без запаса воды,

нормальной эвакуации и систем оповещения. Только старый огнетушитель, который я уже не помнила, когда последний раз проверяла.

– Машка, хватай животных и выметайся! – крикнула я. – Я сейчас! Я только...

Обернувшись, замерла на минуту. Кот смотрел на меня. Огонь уже отражался в его зрачках рывками, как в плохом кино. Он не шевелился. Просто ждал. Подбежав, я накрыла его полотенцем и прижала к себе. Горячо. Глаза резало от дыма. Всё смешалось: запах палёной проводки, хлоргексидина и шерсти.

Я сделала несколько шагов к выходу и услышала, как треснул потолок. Что-то сверху рухнуло. Вспышка острой боли пронзила плечо, и я упала. Ещё удар, чей-то крик... А потом... темнота...

*** Панлейкопения – инфекционное заболевание вирусной природы.

4.

– А ведь всё началось из-за тебя, – произнесла я вслух, не отводя взгляда. – Из-за тебя я умерла.

Марс посмотрел на меня укоризненно, зевнул, его хвост обвился вокруг лап. И тут случилось невероятное... Раздался голос – мягкий, мужской, хриловатый, с лёгкой ленцой.

Как будто он вообще не собирался участвовать ни в каком разговоре. Моя кожа покрылась мурашками, а волосы на голове зашевелились.

– Ну, наконец-то. Теперь мы можем спокойно поговорить.

Я вскрикнула от неожиданности. Не как в кино – красиво и героически. Нет, это был крик человека, который только что услышал говорящего кота. То есть полноценного флегматичного кота, который, судя по голосу, в прошлой жизни, возможно, работал диктором на радио.

– Говоришь... – пролепетала я, отпрыгивая от него. – Ты... ты... говоришь? Ты же... КОТ!

– Воистину поразительное наблюдение. Простите, леди, я-то думал, вы ветеринар, а не капитан Очевидность, – лениво протянул Марс. – Может, вы ещё скажете, что у меня хвост есть?

– ААААА! – произнесла я на одной ноте и попятилась назад, обходя стол.

– Отлично. Истерика позади. Теперь нам предстоит пройти через отрицание, гнев, торг и... если это тебя утешит, я могу общаться с тобой мысленно, если захочешь. Но я не стал этого делать раньше. Судя по реакции, твои родственники моментально упекли бы тебя в дурдом. Может быть, мы, наконец, займёмся чем-нибудь полезным? – продолжал кот, уже откровенно развлекаясь.

Я неотрывно смотрела на него и тихо бормотала, всё ещё не до конца веря, что это действительно происходит.

– Это сон. Я сторе́ла, умерла и теперь в аду! Коты тут разговаривают, окна смотрят на сады, а меня называют «леди»! Я что, в чёртовом «Аббатстве Даунтон»?!

– Ну, скорее в его... альтернативной, слегка магической версии. Где, кстати, тебя вполне могут съесть, если скажешь кому-нибудь, что коты умеют разговаривать. Особенно в верхах. Про «съесть» я пошутил, если что.

– С-спасибо за обнадеживающую информацию! – прохрипела я, начиная ходить кругами. – Я псих. Я точно псих. Это всё галлюцинации. Или последствия принятия спирта. Честно, я никогда не злоупотребляла: так, иногда с коллегами после долгого трудного дня. Но кто думал, что всё так запущено?..

Марс, не теряя достоинства, грациозно перепрыгнул на столик и улёгся там, положив подбородок на лапы.

– Ты закончила? Или ещё немного побегаешь по комнате, крича: «Кот заговорил, спасите мою психику!»

– ...Я ненавижу тебя, — выдохнула я. — Это ты меня во всё это втянул.

Марс зевнул.

– Вот зря ты так. Я, между прочим, спас тебя. Ну, как мог. Вытащил из огня. Подумай сама: начался пожар. Ты могла бы спастись. Но так получилось, что умерла ты, мать, окончательно и бесповоротно. Упрямая, как пробка, вцепилась в меня сильнее, чем в свою пенсию и валерьянку. Мир тебя... подхватил. Не каждый так может. Это надо заслужить.

Я остановилась, тяжело дыша, и уставилась на него.

– То есть, ты хочешь сказать, я попала в параллельный мир, да ещё и в альтернативную Англию, потому что... я слишком любила котов?

– Ну, звучит не так пафосно, как хотелось бы, но в целом – да. Любовь творит чудеса, знаешь ли.

Мне ничего не оставалось, кроме как немного успокоиться и прийти в себя.

– И что теперь?

Марс поднялся, потянулся и посмотрел на меня так, как умеют только коты – с жалостью и лёгким презрением.

– Теперь ты – Аврора Рэдклифф. Леди. Девица на выданье. В доме, полном интриг. С даром слышать зверей, которых другие считают просто мебелью. У тебя есть кот. Есть голова на плечах. И, вероятно, в будущем счастливая жизнь. Но это позже.

Я села на кровать и уставилась в стену.

– Мне нужна валерьянка.

– Могу принести мышь. Тут их много. Местные без образования, но вкусные.

Закрыв лицо руками, я упала на спину и уставилась в потолок.

– Я сошла с ума.

– Добро пожаловать в клуб, – фыркнул Марс. – Здесь отличная выпечка и, как ты заметила, говорящие коты.

– Потрясающе. Мало того, что у меня новый облик, новая

жизнь, новый мир, так ещё и кот – ходячий сарказм. Я чувствую себя героиней фэнтези-романа...

– Ну... знаешь, ты не так уж ошибаешься. Но не переживай. Я помогу. Мы справимся. Просто... не вздумай звать экзорциста. А то у нас с тобой будет очень сложный разговор, когда он убежит в панике.

Я снова закрыла лицо руками. Потом рассмеялась. Сначала нервно, потом по-настоящему. А Марс лениво мурлыкнул:

– Вот. Уже лучше. Теперь нужно взять себя в руки и освоиться в этом гадюшнике. Завтра, возможно, кто-то попытается тебя отравить. Или выдать замуж. Тут уж как повезёт.

– Час от часу не легче, – буркнула я.

Марс хмыкнул, как только кот может хмыкнуть – тонко, с обидой на мир и ожиданием, что его никто никогда не оценит по достоинству.

– Кстати, – протянул он лениво, вытянув лапы и устроившись на подушке, как барин на диване, – сегодня тебе лучше сказать больно́й. Нет, серьёзно. Голова болит, слабость, лунная чахотка. Выбирай что-нибудь романтическое, но желательно без высыпаний. А ещё попроси принести еды. Побольше. И желательно мясного: с утра маковой росинки в пасти не было. Боялся за тебя, переживал, чтобы ты не впадала в истерику. Миска молока и пара кузнечиков завтраком считать нельзя.

Я приподняла бровь.

– И что? Мне теперь валяться в постели и объедаться, как аристократическая панда?

– Во-первых, – важно поднял ухо Марс, – ты не панда, а леди. Даже у такой затюканной роднѐй леди есть привилегии. А во-вторых, нам нужно поговорить. Много. Ты ведь ещё даже не знаешь, что у тебя теперь не просто новая жизнь, но и весьма... специфический дар.

Он сделал паузу, видимо, наслаждаясь драматическим эффектом.

– Ну? – не выдержала я. – Говори уж. Пока я не вызвала батальон священников и не окропила тебя святой водой.

– Я могу говорить только с тобой. Ну, в смысле, голосом. Ментально – тоже только с тобой. Это своего рода связь. Бонус, так сказать. Остальные будут слышать только «мяу», «шшш» и, возможно, «стоп, отвали». Люди – нет, не читаю их, а вот ты мысли животных можешь. Не переживай, большинство из нас по развитию интеллекта не превосходят трёхлетнего малыша. Они не смогут поддерживать беседу так долго и с таким интересом, как я. Никакой какофонии в голове у тебя не будет. Только если ты целенаправленно сосредоточишься на раздумьях какой-нибудь животины. Кстати, вот как раз сегодня у нас будет время потренироваться. Только представь... со мной ты можешь безопасно обсуждать людей, мужчин. Да, чуть не забыл, я вижу их... ауру.

Я прищурилась:

– Ауру?

– Ага. Цвет, настроение, силу. Чисто кошачья фишка. Одни — как яркое солнце, другие — как испорченная сардина. Поверь, твоё окружение – целый зоопарк.

– Стоп, – подняла я руку. – Я только что узнала, что могу говорить с котом. Вижу, что я в другом мире и вообще не в своём теле. И сейчас на меня вываливается сразу столько информации.

– Прости, – виновато фыркнул Марс, – я просто соскучился по нормальной человеческой драме. Ветеринарные страдания и пожар – это, конечно, эффектно. Но интриги, романы, тайны – вот где истинный вкус жизни. Ну а пока голова болит, слабость, «принесите мне бульончик» и побольше пирожков. Нам нужна энергия. Вечером поговорим о твоих способностях подробнее.

– Я чувствую себя героиней магического реализма на грани нервного срыва.

– И выглядишь соответствующе, – любезно кивнул кот. – Но поверь, ты справишься. У тебя уже был шанс умереть, ты им воспользовалась. Больше некуда падать, Аврора. Только вверх.

Я фыркнула.

– Говорящий кот — философ. Чудес не бывает, говорили они.

– Добро пожаловать в Великую Британию... альтернативной реальности, – ответил он торжественно. – Здесь нет магии как таковой, ею обладают единицы, и ты в их числе. Так

что ты держись. А теперь, пожалуйста, изобрази слабость, закрой окно и закажи курицу. Я голоден, как дракон на пенсии.

И вот как после этого не рассмеяться?

*** «Аббатство Даунтон», или «Даунтон» (англ. Downton Abbey) — британский исторический драматический телесериал, созданный Джулианом Феллоузом.

5.

Я всё-таки рассмеялась. Немного нервно, но всё же по-настоящему. Смех помог мне немного отдышаться и собрать мысли в кучу. Подойдя к двери, я выглянула в коридор и увидела мальчика-слугу лет десяти. Он уверенно шагал по коридору, балансируя подносом с пустыми чашками.

– Эй! – громким шёпотом окликнула я.

Мальчишка вздрогнул так, что посуда едва не вывалилась с подноса.

– Леди?! — пискнул он, обернувшись.

Я поманила его к себе пальцем. Он подошёл и насторожённо посмотрел на меня.

– Позови Бетси, – попросила я тихо, стараясь, чтобы голос звучал устало и жалобно. – Скажи, что мне очень плохо, и я... я едва держусь на этом свете.

Парень округлил глаза, кивнул и почти бегом направился

к лестнице. Я проводила его взглядом и вздохнула. Немного постояв в дверях, с чувством выполненного долга подошла к кровати.

– Королева драмы, – довольно промурлыкал Марс. – Даже я бы так не смог.

Обессиленно рухнув на подушку, я прикрыла глаза. Комната была наполнена слегка затхлым запахом старых тканей и травяных духов. Но после того, что я пережила, это было почти уютно.

– Марс... – позвала я, не открывая глаз. – Сколько тебе вообще лет?

Ответ не заставил себя ждать.

– По человеческим меркам? – протянул кот, лениво обвивая хвост вокруг лап. – Тридцать пять. В самом расцвете. Умный, красивый, обворожительный. Полностью уверенный в своих мурлыкающих способностях и обаянии.

Я приподнялась на локтях и прищурилась.

– То есть я делю комнату с тридцатипятилетним саркастичным мужчиной, который... в теле кота?

– Именно, – гордо кивнул Марс. – Не каждый день тебе так везёт.

– Прекрасно, – простонала я, падая обратно на подушку. – Мне почему-то кажется, что ты тот ещё ловелас. Учти: кошачьи вопли под окном я не потерплю. Решу проблему быстро. Чик – и всё.

Марс фыркнул и устроился рядом. Он свернулся клубоч-

ком, прикрыл глаза и произнёс:

– Ты сама-то веришь в это? Как? Ты же сейчас просто девчонка, а не грозная ветеринарша. Так что мои «фаберже» в полной безопасности. Прекрасный мир.

Прошло несколько минут, и раздались лёгкие торопливые шаги. Бетси влетела в комнату, вытирая губы и поправляя белоснежный передник. Кажется, я помешала ей завтракать.

Она подбежала ко мне, глаза её широко распахнулись от волнения.

– Леди Аврора! Мальчишка сказал, что вам дурно! Что случилось, миледи?

– Всё хорошо... почти, – устало сказала я, надеясь, что выгляжу убедительно. – Просто немного слабость. Бетси, будь добра, принеси мне еды. Бульон... курицу... пирожков... – я на секунду задумалась и добавила: – И сладкого, если есть.

Бетси вспыхнула от усердия.

– Конечно, миледи! Сейчас всё устрою! Может быть, ещё вина? Или тёплого молока?

Я кивнула.

– И молока, пожалуйста. Вино – это лишнее.

– Да, миледи! – Она сделала быстрый, почти воздушный реверанс и поспешила к двери. Её платье слегка шелестело при ходьбе.

Когда шаги стихли, Марс снова заговорил, лениво потягиваясь:

– Отлично! Настоящая леди. Только в следующий раз до-

бавь «и поскорее» для большего эффекта. Здесь по-другому нельзя.

Я закатила глаза и подошла к столику, предвкушая заслуженный пир.

Через какое-то время дверь снова отворилась, и в комнату вошла Бетси с подносом, нагруженным так, что едва не закрывал её лицо. Я даже испугалась, что бедняжка упадёт вместе со всей этой гастрономической роскошью.

– Вот, миледи, – радостно защebetала она, ставя передо мной всё сразу: бульон в фарфоровой чашке, на тарелке теснились ломтики жареной курицы и тонко нарезанная говядина. Маленькие пирожки с мясом и вареньем, хлеб, масло и даже кубок тёплого молока. – Я подумала, что после болезни надо хорошенько подкрепиться!

– Бетси, ты ангел в переднике, – искренне сказала я, пытаясь не напасть на еду с голодным рычанием.

Девушка вспыхнула от удовольствия, поправляя передник.

– Миледи, если что-то ещё понадобится, зовите! Я побуду тут неподалёку. Мало ли...

Я торопливо закивала, потому что терпение дало трещину: бульон источал дивный аромат. Бетси мило кивнула, поправила подушки и ушла, оставив меня наедине с подносом и весьма довольным собой котом.

– Ну что? – протянул Марс, усаживаясь рядом и облизываясь. – Делиться будешь? Или я тут только ради моральной

поддержки?

– Делюсь, – великодушно сказала я, отламывая от пирожка кусочек мяса и подсовывая ему.

Марс с грацией пианиста вытянул лапку, подцепил мясо и аккуратно отправил в пасть.

– Великолепно, – промурлыкал он. – Даже не знаю, что вкуснее: пирожки или вон тот кусочек говядины. Надеюсь, твоя паника уже прошла, и ты успокоилась. Давай сюда курицу. Вилку я держать не умею, придётся по старинке...

– Ты что, всерьёз ожидаешь, что я буду тебя кормить с рук? – я прищурилась.

– Леди должны заботиться о своих питомцах, – не моргнув глазом, заявил Марс. – К тому же я твой советник, телохранитель и, между прочим, источник бесценной информации. Как минимум, заслужил крылышко.

Я фыркнула, откусила кусочек хлеба и, наконец, почувствовала, как жизнь медленно возвращается в тело. Мы ели молча, только иногда обмениваясь многозначительными взглядами. Когда на подносе осталось несколько пирожков, я откинулась на подушки и зевнула так, что у меня хрустнула челюсть.

– Поспи, – лениво сказал Марс, устраиваясь клубком у меня под боком. – Нам ещё тренироваться сегодня.

– О боги, тренироваться чему? – пробормотала я, уже проваливаясь в полудрёму.

– Общению мысленно. Это, знаешь ли, искусство, а не то,

что ты там себе придумала.

Уснула почти мгновенно, слыша напоследок довольное мурлыканье. А проснулась от лёгкого тычка в щеку.

- Ну что, спящая красавица, – донёлся в голове ленивый голос Марса, — пора учиться разговаривать в стиле «мысле-голосом».

Приподнявшись на локтях, я посмотрела на него исподлобья.

- Так. И как это делается?

- Очень просто. Представь, что говоришь, но рот не открывай. Направь мысль прямо на меня.

Зажмурившись, я напряглась, сосредоточилась изо всех сил и мысленно проорала:

- «Марс, ты зануда!»

Кот вздрогнул, шерсть встала дыбом.

- Потихе, – возмущённо фыркнул он. – Я тебя слышу не хуже церковного колокола в полночь.

Я захихикала вслух.

- Попробуй снова, но нежнее, как будто думаешь о пирожках.

Закрыв глаза, сосредоточилась и мягко подумала:

- «Марс, ты лучший кот на свете».

Он довольно заурчал, сложив лапки под грудью.

- Вот это другое дело. Так и тренируемся. И старайся не орать. Мысли — они как вода: либо струйкой, либо водопадом.

– А ты сейчас мои мысли слышишь постоянно? – насто-
рожилась я.

– Только если захочу, – с ленцой ответил он. – Я культур-
ный кот. Воспитанный. Ну... в рамках своих возможностей.

– Это ненормально, – сказала я вслух, – но мне даже нра-
вится.

– Привыкай, леди. В этом мире ненормальность – един-
ственный способ выжить.

Он потянулся, устроился рядом и закрыл глаза. За окном
день клонился к вечеру.

– Да, кстати, пока ты дрыхла, пару раз заходила Бетси и
один раз Мэриэн.

– Мэриэн? – я нахмурилась, прислушиваясь. – Что ей бы-
ло нужно?

Марс лениво повёл хвостом.

– Проверяла, действительно ли ты плохо себя чувству-
ешь. Стояла в дверях, смотрела, потом развернулась и вы-
шла. Бетси сказала ей, что ты спишь уже несколько часов.

Я хмыкнула. Хорошо, что не проснулась, общаться с ма-
чехой мне категорически не хотелось. Пока я думала об
этом, Марс лениво перекатился на бок, сверкнув белым пу-
зиком.

– Кстати, о полезных вещах, – протянул он, глядя на меня
прищуренными глазами. – Вижу, ты ещё не поняла, как здесь
вызывают прислугу.

Я настороженно приподнялась.

– Ну... обычно кричат?

Марс скорчил гримасу, словно я сказала что-то особенно глупое.

– Кричать – последнее дело. Наблюдай.

Кот грациозно запрыгнул на тумбочку у кровати и лапкой коснулся тонкого шнура, висящего рядом с балдахинном. Тот слегка качнулся.

– Вот. Дёрнешь за шнурок, и внизу, на кухне зазвонит колокольчик. После чего к тебе прибежит прислуга.

Посмотрела на шнурок, на Марса, потом снова на шнурок.

– И почему ты сразу не сказал?

– А ты не спрашивала, – лениво отозвался он. – Учись, Аврора: в этом доме за каждым углом спрятана целая наука. Шнурки, реверансы, недомолвки, кивочки... Ты теперь леди. Придётся соответствовать.

Я закатила глаза, но кивнула. Похоже, даже самые мелкие детали здесь значили больше, чем казалось.

Протянув руку, несмело дёрнула за шнурок. Где-то вдалеке послышался лёгкий звон.

– Молодец, – похвалил Марс, – У тебя получилось.

Прошло не больше пары минут, и послышались лёгкие шаги. Дверь приоткрылась, и в комнату юркнула Бетси. Щёки у неё всё ещё были румяные от недавних забот.

– Миледи, вы звали? – в её голосе сквозило беспокойство и искренняя готовность помочь.

Я тепло улыбнулась.

– Да, Бетси. Я хотела бы ещё тёплого молока... и, может быть, немного фруктов, если есть.

– Конечно, миледи! – Бетси быстро сделала реверанс. – Сейчас всё принесу!

Она уже было хотела выбежать, как вдруг вспомнила что-то, замерла в дверях и, смущённо потупившись, добавила:

– Ах да... Леди Мэриэн днём интересовалась вами. Спрашивала, действительно ли вам нездоровится и сколько спите.

– И что ты ей ответила?

– Что вы отдыхаете, а доктор вчера велел вам оставаться в покое, – быстро затараторила Бетси. – Я... я подумала, что так будет правильно, миледи, и напредила ей это.

Я с облегчением вздохнула.

– Ты умница, Бетси. Спасибо.

Бетси просияла от счастья, сделала ещё один торопливый реверанс и выскользнула из комнаты.

Когда за ней снова закрылась дверь, я перевела взгляд на Марса.

– Видишь? – лениво протянул он, растянувшись во всю длину на кровати. – С такими союзниками, как Бетси, у тебя ещё есть шанс выжить в этом логове гадюк.

– А без шнурка мне бы и союзников не осталось? – поддразнила я.

Кот ухмыльнулся.

– Без шнурка ты бы просто сидела тут до следующего века. Или слонялась по коридорам, как привидение, и пугала слуг.

Похоже, этот мир действительно придётся осваивать с самых азов. Но с Марсом и Бетси рядом у меня были шансы. Рухнув обратно на подушки, я почувствовала, как внутри начинается разгораться тихая, но упорная решимость.

– Что ж, – сказала я вслух, – кажется, пришло время учиться не только общаться мысленно, но и выживать в этих стенах.

– Вот это настрой, – одобрил Марс, довольно щурясь. – Мы ещё сделаем из тебя настоящую леди... с когтями.

И с этими словами он прикрыл глаза и вскоре захрапел, как будто бы солировал в главных ролях. Я долго ещё лежала в кровати, уставившись в потолок и тихо смеясь. Новый мир... новая жизнь... говорящий кот... Мама дорогая, в какие дебри я вляпалась. Но если честно, мне это начинало нравиться.

6.

Утро выдалось пасмурным. Мелкий дождик моросил с самого рассвета, мягко барабанил по окнам. Я проснулась рано и, аккуратно выскользнув из постели, сама выбрала себе платье – самое простое, тёмно-синее, с удобными рукавами и без лишних кружев.

– Ну надо же, – лениво потянулся Марс, наблюдая, как я пытаюсь застегнуть сложную застёжку на спине. – И всё сама. Почти леди.

– Спасибо за «почти», – буркнула я, справившись с последней пуговицей. – Пошли гулять. Пока все спят и не командуют мной.

Мы тихонько выбрались из комнаты, прошмыгнули по коридорам, избегая сонных горничных, и вышли в сад. Воздух бодрил свежестью: пахло мокрой землёй, травой и чем-то горьковато-сладким, словно осенью. Я вдохнула полной грудью и почувствовала, как в голове прояснилось.

– Куда идём? – спросил Марс, бодро перепрыгивая мокрую траву на дорожке.

– К конюшне, – решила я. – Хочу посмотреть на лошадей. Мне не терпится познакомиться поближе с этими благородными животными. В Москве я несколько раз бывала в частных конюшнях и получила массу впечатлений.

Мы шли неторопливо, минуя кусты роз, мокрые от дождя, и ряды аккуратно подстриженных деревьев. Земля чавкала под ногами, но это только добавляло всему происходящему особую атмосферу. Я двигалась через сад, осторожно ступая по влажной траве. Где-то над головой перекликались птицы.

– Попробуй, – лениво напомнил Марс в голове. – Мыслью. Без слов.

Я глубоко вдохнула и мысленно потянулась к нему, как учил:

«Какой чудесный запах после дождя...».

Кот лукаво шурился на меня.

«Почти хорошо. Только расслабься. Мысли должны течь,

а не скакать, как испуганный заяц.».

Я улыбнулась краешками губ и перевела взгляд на мокрые ветви. На ближайшей яблоне сидела небольшая серая птица, нахохлившись от сырости.

«Бедная, тоже замёрзла...» — подумала я с теплом.

Птица вдруг встрепенулась и щебетнула, явно услышав меня. Марс лениво ухмыльнулся.

«Видишь? Твои мысли становятся сильнее.».

Я шагала дальше, наполняясь странной радостью от этой невидимой связи с миром. Всё казалось более живым и настоящим.

Когда мы уже почти подошли к конюшням, я уловила едва слышный писк. Остановившись, внимательно прислушалась. Под кустами что-то шевельнулось, и я вдруг увидела крошечный дрожащий комочек шерсти. Это был щенок. Дождь, шедший всю ночь, промочил малыша полностью. Он был худым, грязным, и весь его вид вызывал щемящее желание тут же спасти потеряшку. Я опустилась на колени в мокрую траву.

– Маленький, – прошептала я, осторожно протягивая руку.

Марс подошёл ближе, морща нос.

– Его выбросили. Или сам сбежал. Но вряд ли кто-то будет его искать, – задумчиво сказал он.

Пёсик поднял на меня огромные, полные тоски глаза и тихонько пискнул. Не раздумывая ни секунды, я подхватила

его на руки. Щенок был холодным, как камень, и таким лёгким, что казался почти невесомым.

– Похоже, кто-то решил, что место ему на улице, – мрачно заметил Марс.

– Нет уж, – упрямо сказала я. – Сам он не выживет.

Я прижала щенка к груди, стараясь согреть своим теплом, и быстрым шагом направилась обратно в дом. Марс, стараясь не отставать, фыркнул:

– Вот увидишь, будет скандал. Здесь не любят лишних ртов. Особенно грязных.

Я промолчала, только крепче прижав маленькое дрожащее тельце. Вскоре мы вернулись в мою комнату. Я тут же дёрнула за шнурок. Бетси, вбежавшая по первому зову, застыла на пороге, уставившись на меня и моего найдёныша.

– О, миледи... Что это?..

– Щенок. Его выбросили, он замерзает, – отрезала я. – Бетси! Неси мне тёплую воду, молоко, чистую тряпку и какое-нибудь одеяло!

Девушка переминалась с ноги на ногу:

– Но, леди Аврора... Ваша мачеха будет очень недовольна. Она ведь запретила...

– Бетси, – я постаралась, чтобы мой голос звучал мягко, но твёрдо. – Этот малыш может умереть. Ты же не хочешь этого?

Служанка закусила губу, явно заколебавшись между страхом перед хозяйкой и жалостью к несчастному существу.

«Скажи ей, что возьмёшь всю ответственность на себя.»
– подсказал Марс, развалившийся на подушке.

– Я сама всё объясню леди Мэриэн, – произнесла я. – А сейчас, пожалуйста, принеси всё необходимое.

Бетси наконец кивнула и выскочила за дверь. Я села на пол, продолжая прижимать к себе дрожащего бедолагу.

– Знаешь, – задумчиво протянул Марс, – для бывшего ветеринара ты слишком мягкосердечная. Тебе придётся научиться быть жёстче в этом мире.

– Не начинай, – отмахнулась я. – Лучше скажи, что слышишь от него? Может, что-то болит? У меня не получается сосредоточиться.

Кот лениво потянулся и снизошёл до взгляда на щенка:

– Голоден. Напуган. Благодарен за тепло. Обычные щенячьи мысли.

В этот момент вернулась запыхавшаяся Бетси с тазиком тёплой воды и охапкой тряпок. Следом семенила кухарка с миской молока и размоченным хлебом.

– Только тихонько, миледи, – прошептала Бетси. – Пока никто не видел...

Через несколько минут я уже осторожно вытирала крошечное существо. А Марс наблюдал с дивана, откуда в мою голову неслись тихие комментарии вроде: «не забудь про уши, в них часто бывает воспаление» или «проверь на блох». Это раздражало, я прикрыла глаза, сосредоточилась и мысленно рывкнула на него:

– «Марс, хватит! Я ветеринар... Не учи тётю... лечить.».

Мой рыжий помощник обиженно мяукнул и отвернулся.

Посидев минуту в тишине, я вздохнула и с крохой на руках направилась в сторону дивана. Марс сидел, как монумент, уставившись в стену. Я присела рядом, немного помолчала, а потом обняла его за тёплый бок и, притянув к себе, прошептала на ухо:

– Прости, пожалуйста. Правда. Не дуйся, мне очень нужна твоя помощь.

Котя приподнял пушистую бровь и слегка повернул ко мне свою надменную мордочку.

– «Ладно. Проехали. Но теперь будешь кормить меня с рук курочкой.», – раздалось у меня в голове.

Я улыбнулась, кивнула и поцеловала его в шершавый нос.

Щенок оказался девочкой. Белой красавицей с бурыми пятнышками на спинке и милыми веснушками на розовом носу. Она прижалась ко мне, доверчиво попискивая.

– Розы, – вдруг шепнула я, глядя на крошечную мордочку.

Марс лениво перевёл взгляд со щенка на меня.

– Почему Розы?

– Потому что она пахнет мокрыми розами, – улыбнулась я, вдохнув сладковатый запах мокрой шёрстки и сада за окном.

Кот фыркнул, но промолчал. Имя словно само приклеилось к малышке, и я почувствовала, как где-то в глубине души эта крошка прочно заняла своё место.

Как только мы укутали Розы в одеяло, в дверь постучали. Я успела спрятать щенка за занавеской, прежде чем приоткрыла створку. На пороге стоял один из молодых слуг. Парень явно нервничал.

– Леди Аврора, вас приглашают на завтрак. Немедленно, – он поклонился и поспешно удалился.

Я вздохнула, бросив взгляд на Бетси.

– Присмотришь за Розой?

– Конечно, миледи, – с тревогой закивала она.

Быстро поправив платье, я пригладила волосы и направилась вниз. При каждом шаге внутри что-то подсказывало мне: спокойно не обойдётся.

Как только я вошла в столовую, почувствовала тяжёлую атмосферу. За столом уже сидели отец, леди Мэриэн и Фелисити, которая скользнула по мне взглядом, полным ехидного превосходства. Мачеха в светлом утреннем платье с тонкой кружевной шалью на плечах смотрела на меня так, будто я принесла грязь на белоснежный пол.

– Вот и она, – ядовито процедила она. – Леди, которая спасает бродячих псов, как простая крестьянка. Аврора. Надеюсь, слухи, что ты притащила в дом бродячего пса — ложь?

Я остановилась у двери, чувствуя, как кровь стынет в жилах.

– Мне доложили, что ты принесла грязную собаку, – продолжала мачеха, чеканя каждое слово. – Подумать только, в преддверии важнейшего события! Ты хоть понимаешь, на-

сколько это неприлично?

Я выдержала её взгляд и спокойно ответила:

– Я нашла щенка в саду и не смогла пройти мимо. Он был замёрзший и голодный.

– Не могла! – почти вскрикнула мачеха, всплеснув руками. – Ты когда-нибудь думаешь о последствиях своих поступков?! Мы должны устраивать семейные вечера, принимать визиты друзей и родственников, а через месяц отправляемся в Эвервуд на первый светский приём!

– Именно, – вмешалась сестрёнка.

– Общество подумает, что наши дочери безалаберные и... странные! – продолжала мачеха, тяжело дыша от негодования. – Фелисити уже вступила в возраст невесты, а ты своим поведением выставишь всю семью в неприглядном свете! Подумать только, тебе уже скоро будет двадцать, а ты прячешь бродячих собак под юбку и таскаешь их в дом. Ты уже не ребёнок, Аврора!

Я только сейчас осознала, о чём она говорит.

– Мне... девятнадцать лет... – потрясённо прошептала я.

Мачеха смерила меня ледяным взглядом.

– Да, и давно пора начать вести себя как леди, а не как безумная кошатница! Мы едем в Эвервуд. И ты должна выглядеть подобающе! Без лишних животных, без грязи, без... фокусов!

Сжав губы, я ощутила, как внутри поднимается обида. Отец, до этого молчавший, поднялся из-за стола. Его лицо

оставалось спокойным, но в глазах мелькнула холодная решимость.

– Аврора поступила правильно, – сказал он ровно. – Спасла жизнь, проявила сострадание. Именно таких качеств я жду от своих детей.

Он повернулся к мачехе:

– А щенок будет жить в конюшне. Ему найдут подходящее место. И это не обсуждается.

Я тихо поблагодарила отца взглядом и опустила голову. Мэриэн глубоко вздохнула, пытаясь подавить возмущение. Но эмоции взяли верх, и она резко вскрикнула:

– Великолепно, Эдвард! Щенки в конюшне! Блохи в доме! И на бал в Эвервуд мы поедem, как нищие родственники, цепляясь за остатки бывшего достоинства!

Она резко отодвинула чашку, звякнув фарфором о стол. Я застыла на месте. Только теперь, вслушиваясь в её слова, я начала улавливать в них не только злость, но и что-то ещё. Страх. Беспокойство. Фелисити капризно скривила губы, но промолчала, бросив на мать тревожный взгляд.

– Мэриэн, – устало сказал отец, садясь обратно на стул и сцепляя пальцы перед собой. – Я уже говорил: все вопросы с финансами я решу.

Его голос был твёрдым, но за этой твёрдостью сквозила скрытая тревога. Мачеха недоверчиво фыркнула:

– Да-да, ты всё решишь. Только, боюсь, времени у нас всё меньше. Все вокруг уже шепчутся о твоих долгах и о состо-

янии нашего имения! – Она зло взглянула на меня. – И вишенкой на торте станет эта... эта безалаберная выходка с псами и кошками! Как будто нам мало собственных проблем.

Я чувствовала, как в груди сжимается неприятная тяжесть. Всё встало на свои места: раздражительность леди Мэриэн, натянутые улыбки, непонятные разговоры за столом, задумчивый взгляд отца. Деньги. У них были проблемы с деньгами. Отец отвернулся к окну, его профиль казался усталым, даже постаревшим.

– Всё будет улажено, – повторил он, глядя вдаль. – Я не позволю, чтобы моя семья оказалась в унижительном положении.

И на мгновение в его голосе прозвучала такая непреклонная уверенность, что даже мачеха осеклась. Фелисити нетерпеливо постучала пальцами по скатерти.

– Но на приёме в Эвервуде нас будут оценивать, папа, – напомнила она, жеманно вскинув подбородок. – И меня, и Аврору. Нам нужно выглядеть идеально.

– И вы будете, – сказал отец, коротко глянув на неё. – Я всё устрою.

Тишина за столом накрыла тяжёлым пологом. Лишь за окном по-прежнему мерно моросил дождь, будто стараясь заглушить накалённые до предела эмоции в доме. Я тихонько опустила на своё место, машинально расправляя складки платья на коленях. Мысли метались в голове. Финансовые трудности. Эвервуд. Первый выход в свет. Моя девятнадца-

тая весна. И всё, что я знала о своей новой жизни, вдруг оказалось куда сложнее и тяжелее, чем предполагала. Похоже, Мэриэн надеется поскорее спихнуть меня замуж. Наверное, это поможет как-то выйти из положения.

Марс, спрятавшийся неподалёку, шевельнулся у меня в сознании, посылая тёплый ободряющий импульс.

«Потом поговорим об этом. Не паникуй. У тебя больше силы, чем у кого-либо другого.» – тихо сказал он. Я едва заметно кивнула, не глядя на него.

Впереди было слишком много неизвестного.

7.

Позже, в тот же день, когда дождь уже почти иссяк, а по дорожкам, ведущим к заднему двору, тянулись длинные полосы грязи, я бродила по дому, пытаясь успокоиться. Мысли вертелись вокруг одного: откуда у семьи долги?

Я не могла усидеть в комнате и решила спуститься в библиотеку. Поднимаясь по лестнице, я услышала приглушённые голоса. Остановившись, осторожно заглянула в кабинет и увидела мачеху. Она была одета, как всегда безупречно. В руках Мэриэн держала письмо. У окна в кресле сидела леди Агата, а у стола, склонившись над кипой счетов, стоял мужчина.

– Мы не можем себе позволить новый гардероб для девочек, – отчётливо произнёс незнакомый мужской голос. – Да-

же ткани для Фелисити я закупил в долг. А портной уже намекает, что без оплаты больше работать не станет.

– Меня это не интересует, – зло ответила Мэриэн. – Вы найдёте способ. Или идите к лорду Эдварду и скажите ему, что всё рухнет. А ещё лучше, скажите, что его упрямство загоняет нас в нищету.

Она нервно ходила по кабинету, шелестя юбкой.

– Я не могу позволить, чтобы Фелисити показалась на людях в старом платье, – процедила она. – И я не допущу, чтобы Аврора с её... выходками испортила наш последний шанс. Почему всё зависит от правила, что старшая должна выйти замуж первой?

Последний шанс?

– Если Аврора выйдет замуж за кого-то состоятельного, – осторожно сказала Агата, – это могло бы помочь улучшить наше положение. При удачном стечении обстоятельств...

– Да вы что, не видите? Она упрямая, дикая, необузданная! Никто не захочет иметь дело с такой! – Мэриэн скомкала письмо и швырнула его в камин.

Из коридора послышался шорох. Я замерла, услышав, как Мэриэн, снова раздражённо прохаживаясь по комнате, процедила сквозь зубы:

– Она такая же никчёмная, как и её мать. Умерла, оставив после себя лишь проблемы, – устало бросила она с презрением. – Будь это мальчик, всё было бы по-другому. А так... Ни приданого, ни титула, ни влияния. Только ребёнок с тем

же упрямым характером. Мои надежды родить наследника с каждым днём тают.

Мир будто замер. Сердце сжалось в тугой колючий комок. Я смотрела в пол, не мигая. Она... Она ненавидит меня настолько?

Словно по сигналу, память Авроры подкинула мне осколок из детства, тёплый, как утреннее солнце. Мама.

Я совсем маленькая, с растрёпанными кудряшками, прижимаюсь к мягкому шёлковому платю. Она сидит у окна, держа меня на коленях, и нежно гладит рукой по волосам. От неё пахнет розами и чем-то сладким, домашним. Женщина тихо поёт. Я не помню слов, только мелодию. И чувствую себя в полной безопасности. В мире, где нет злости.

– Ты моя звёздочка, – говорит она, целуя меня в висок. – Ты будешь доброй, сильной и свободной. Всегда.

Не в силах сдержать слёз, отступила. Мама... Ты ведь меня любила. Хотела, чтобы я жила по сердцу. А теперь обо мне говорят, как о чемодане с дырявым дном. Как о помехе. Меня хотят выдать замуж. Не ради счастья, а ради спасения семьи. Ради погашения долгов.

Я шла медленно, чувствуя, как рушится привычная картина моей жизни в этом доме. Всё, что казалось мне будущим — роль дочери, любовь, свобода — превращалось в товар.

В библиотеке я села в глубокое кресло, не открыв ни одной книги.

– Что теперь? – тихо спросила я в пустоту.

Ответа не было. Только тишина и едва уловимое ощущение, будто за тонкой вуалью привычной реальности прячется нечто большее. Что-то, что я пока не могла понять, но чувствовала кожей. Я больше не была просто Авророй Рэдклифф. Я была фигурой на чужой доске. И меня уже двигали.

Тихий скрип отвлек от тяжёлых мыслей. Подняв голову, увидела в дверях Марса. Он появился бесшумно, но с таким выражением морды, будто уже знал, что застал меня на грани истерики.

– Ах, вот ты где, – проворчал он, запрыгивая мне на колени. – Сидишь тут, как забытая книжечка на верхней полке. Долго собираешься страдать? Или уже почти всё?

Я слабо улыбнулась сквозь слёзы и провела рукой по его шерсти.

– Не знаю... Всё рухнуло.

– Да ладно? — с деланным удивлением протянул он. – А я-то думал, ты просто решила сыграть в трагедию. «Бедная девица в кресле томно смотрит в огонь». Ждём призрака бывшего величия?

Я всхлипнула, но уже легче. Он ткнулся носом мне в подбородок и продолжил уже мягче:

– Послушай. Они ведут себя как дурные курицы перед бурей – кудахчут, мечутся и всё время пытаются свалить вину на кого-нибудь. А ты... Ты держись. Не будь курицей. Будь хотя бы филином. Или... совой, если тебе так эстетичнее.

Я прыснула. Он прищурился довольный.

– Сейчас тебе нужно не ломать шпагу об стену, а включить голову. Хочешь понять, что происходит – наблюдай. Слушай. И прошу тебя, не бросайся на мачеху с подносом.

– Очень жаль, – пробормотала я. – Я уже прикидывала траекторию.

– Я знаю, – важно кивнул он. – И я бы, возможно, даже оценил это зрелище. Но пока... Давай не будоражить дом. Лучше выясни, кто кому и сколько должен, и кто из них больше всех боится утонуть в собственных долгах.

Вздохнув, я почесала его за ушами. Всё, что он говорил, звучало разумно, даже если подавалось с ехидцей.

– А сейчас, – продолжил он, усаживаясь поудобнее, – займись полезным делом. Щенок. Розы. Помнишь, кто сегодня пялился на меня из пледа, будто я цыплёнок? Надо устроить малышку на конюшне. Там ей будет хорошо. И тебе заодно будет повод не бурчать в одиночестве, а почаще её проводить.

– А ты?

– Я буду рядом с тобой. Или просто понаблюдаю за происходящим сверху. Например, со шкафа или с подоконника. Мудрые коты предпочитают держаться подальше от семейных конфликтов.

Я рассмеялась. Он спрыгнул с колен, деловито отряхнулся и направился к двери.

– Ты сильнее, чем они думают, Аврора. Просто не забывай

иногда есть, спать и чесать меня за ухом.

– Учту, – кивнула я. – Спасибо, Марс.

– Всегда к вашим услугам, леди-бунтарка! Пойдём пройдёмся мимо кухни, – бросил он, терпеливо поджидая меня. – Здешняя кухарка – милейшая женщина, всегда подсунет пирожок.

Конюшня встретила нас запахом сена, навоза и лошадей. После душного дома, полного притворства и приглушённых упрёков, воздух здесь казался по-настоящему живым. Розы, почувствовав свободу, стала вырываться из рук и вилять хвостом. Она смешно побежала по тропинке, пытаясь укунить Марса за ухо, но тот, словно настоящий аристократ, с высокомерным видом её игнорировал.

Конюх, широкоплечий мужчина с загорелым лицом и рыжеватыми усами, мыл ведро у бочки. Завидев меня, он выпрямился и, вытирая руки о штаны, прищурился.

– Добрый день, леди. Что-то случилось?

– Нет, ничего особенного, – ответила я, подходя ближе. – Просто... У вас на конюшне новый жилец. Розы.

Он посмотрел на кроху, которая тут же решила, что его сапоги – лучшая игрушка.

– Да, мне уже об этом сказали... Но, леди, щенок в конюшне? – нахмурился он. – Это, честно говоря, совсем лишнее.

– Она будет тише любой кошки, обещаю, – сказала я, лоя Розы и прижимая к себе. – Её можно поселить в старом

стойле. И я буду приходить ухаживать за ней сама. Всегда.

Он скептически хмыкнул, но всё же кивнул.

– Хорошо. Главное, чтобы она не гонялась за лошадьми. Особенно за Жасмин – у той нрав хуже, чем у леди Мэриэн. Она тоже всегда чем-то недовольна.

Я улыбнулась, но тут моё внимание привлёк глухой звук: цок-цок... цок... стук с промахом. Гнедая лошадь стояла в дальнем стойле и переминалась с ноги на ногу, неестественно нагружая правый бок.

– Она хромотает, – заметила я, подходя ближе. – Сколько уже так?

– Со вчерашнего дня. Думаю, потянула ногу. Завтра кузнец придёт, глянет подковы.

Присмотревшись, я подошла ближе, успокаивая кобылу шёпотом.

– Милая, тебе больно? Потерпи. Ладно?

Она фыркнула. В моей голове пронеслось: «больно, больно»... Лошадь позволила дотронуться до ноги. Осторожно проведя пальцами по ободу копыта, почувствовала: между подковой и копытом застрял плоский острый камень.

– Вот в чём дело, – сказала я и посмотрела на конюха. – Камень. Сдавливает ткани, вот и боль. Его надо вытащить, и всё наладится.

Он подошёл, скептицизм сменился уважением.

– Чёрт возьми... Как же я сам не догадался. А вы, леди,

очень наблюдательны, не просто так с животными возитесь. Спасибо. Сейчас принесу инструменты.

Когда он ушёл, Марс, сидевший на бочке, прокомментировал:

– Ну что, ветеринар в юбке, спасла ещё одну невинную душу. Можешь гордиться. Только прошу, не заведи теперь козу. Нам ещё и со щенком справляться.

Я засмеялась, глядя на Розу, которая мирно уселась у входа в стойло, будто уже чувствовала себя здесь как дома.

Да, мир вокруг шатался, как плохо подбитая повозка. Но здесь, среди животных, всё казалось проще. Честнее. И возможно, именно в таких мелочах я могла найти себя – ту, которую не продавали, не обсуждали, не пытались переделать.

8.

Поздно вечером, когда сумерки уже легли на поместье, и в окнах отразилось тёплое золотистое свечение, я решилась. Поднялась к кабинету лорда Рэдклиффа, постучалась и, услышав короткое «входите», открыла дверь. Отец сидел в кресле у камина с книгой в руках. Но, увидев меня, тут же отложил её в сторону. На висках серебрились нити, его взгляд был усталым, но добрым, и на губах появилась тень улыбки.

– Аврора. Я думал, ты сейчас отдыхаешь. Как всё прошло в конюшне? Устроила свою подопечную?

– Там уже всё в порядке, – сказала я, закрывая за собой дверь. – Отец, мне нужно с вами поговорить.

Он кивнул и жестом указал на кресло напротив.

– Конечно. Что случилось?

Я села, сцепив руки на коленях, пытаюсь подобрать слова.

Глубоко вдохнула. Грудь сдавило, будто я снова слышала голос Мэриэн — язвительный, холодный, словно лезвие ножа.

Фразы застревали в горле, но молчать было невозможно.

– Я слышала... о долгах, – тихо начала я. – О том, как плохо обстоят дела. Я случайно услышала разговор мачехи с управляющим. И... Хочу понять. Почему так произошло и почему я ничего не знаю об этом?

Лорд Рэдклифф вздохнул, провёл рукой по лицу, словно стирая напряжение.

– Потому что это не твоя ноша, Аврора. Я хотел уберечь тебя. Думал, ты ещё можешь пожить в неведении. Без тяжести забот. Я ошибался?

– Нет, – прошептала я, – но теперь я знаю. И мне страшно. Не из-за денег. Из-за того, что меня могут... использовать. Как разменную монету.

Он поднял глаза и внимательно посмотрел на меня.

– Речь о браке?

Я кивнула. В груди стало тесно.

– Отец... Не позволяйте им выдать меня замуж. Не так. Не за первого, кто покажется выгодным. Я не вещь.

Лорд поднялся, подошёл ко мне и опустил в соседнее

кресло. Его руки, тёплые, надёжные, обняли мои. А в глазах светилась только любовь.

– Ты не вещь, Аврора. И никогда не была. Я не позволю, чтобы тебя отдали за кого-то, кто будет обращаться с тобой как с товаром. Но... – он опустил взгляд, – я не могу все отменить твою свадьбу. Таковы законы и положение. Ты старшая дочь, и... от этого многое зависит.

Я опустила глаза. Неожиданно для меня самой подступили слёзы.

– Почему я должна быть платой?

Он мягко сжал мои руки.

– Потому что мы живём не одни, и таков закон. К сожалению, всё должно происходить именно так. Раньше я думал, что тебя это не беспокоит. Оказалось, я ошибался. Обещаю тебе, моя дорогая: я сделаю всё, чтобы ты вышла за человека, к которому будешь испытывать хотя бы симпатию. Не страх, не отвращение. Только уважение. Пусть это не будет любовь с первого взгляда, но нечто стоящее. Я не позволю тебе страдать.

Всхлипнув, я кивнула, прижавшись к его плечу. Он обнял меня. И на мгновение в моей голове вспыхнули воспоминания Авроры: как в детстве она пряталась в его объятиях после ночных кошмаров.

– А если я не захочу никого? – прошептала я.

– Не бойся. Ты привлекаешь внимание многих достойных людей. Возможно, кто-то из них покорит твоё сердце. Но да-

же если этого не случится, я буду защищать тебя. Возможно, скоро мир изменится к лучшему. На крайний случай у меня есть план, как оградить тебя от нежелательного брака и дать тебе хотя бы иллюзию свободы.

Мы долго сидели в тишине, прижимаясь друг к другу. Камин тихо потрескивал, дыхание отца было спокойным, а моя дрожь постепенно проходила. Я всё ещё не знала, что меня ждёт впереди, но одно было ясно: я не одна. У меня был папа, который искренне любил. Хотелось задать ему множество вопросов, но я боялась разрушить эту хрупкую связь и потерять магию момента.

Он первым нарушил молчание. Голос его был негромким, словно он много раз прокручивал эти слова в мыслях.

– Ты спрашивала, почему мы обеднели, – он провёл рукой по подлокотнику кресла. – Дело не только в засухе или падении цен на шерсть, как говорит Мэриэн. Всё началось раньше... и было куда болезненнее.

Я подняла голову, глядя сквозь влажную пелену слёз, и встретила его виноватый взгляд.

– Несколько лет назад... Я поручился за своего старого друга. Лорда Уитби. Мы были близки с юности. Он казался честным, добропорядочным. Он просил ссуду. Якобы на развитие судоходной компании и на путешествие в другие земли, с которыми можно вести торговые отношения. Уверял, что всё вернёт с процентами. Я подписал бумаги. Без раздумий, – голос отца стал жёстче. – А через год он исчез.

С деньгами.

Я ахнула.

– Это... было предательством.

– Хуже. Он не только обокрал меня, он оставил мне свои долги. Закон на его стороне: я поручитель, значит, я и расплачиваюсь. Мне пришлось продать часть земель, распустить половину слуг. Некоторые старые арендаторы ушли: не смогли справиться без поддержки. А доходы от поместья и так сократились из-за неурожаев.

Он подался вперёд, поставив локти на колени, и его лицо скрывалось в тени. Лорд Рэдклифф помолчал, взгляд снова устремился в огонь, и я почувствовала, как в нём борется что-то глубоко личное, сокровенное.

– Знаешь, – медленно произнёс он. – Был ещё один способ уладить долги. Не сразу, но со временем. Земли на юге — плодородные, с ручьями, старыми виноградниками. За них давали хорошую цену. Они могли бы покрыть часть долгов.

– Почему же вы не... – начала я, но он успел ответить до того, как я закончила.

– Потому что эти земли принадлежали твоей матери, – тихо сказал он. – Это было её приданое. Всё, что осталось от рода Данверсов. После её смерти они должны были перейти тебе. Я не мог. Не смог. Продать то, что она завещала тебе... Даже под давлением, даже когда Мэриэн убеждала меня, что это разумно. Что это всего лишь «пустая сентимен-

тальность».

Он повернулся ко мне, и в его глазах мелькнуло то хрупкое выражение, когда взрослый человек раскрывает ребёнку свои слабости.

– Это было моё последнее обещание ей. Сохранить эти земли для тебя. Чтобы ты сама решила, что с ними делать. И пока я жив, я держу это слово.

Я сжала его руку. В этот момент я почувствовала не просто любовь, но и глубокое уважение. Почти священное.

– Спасибо, отец, – тихо произнесла я. – Вы храните её земли в память о ней и о прошлом. Это самое ценное для меня.

Он молча кивнул. Снова повисла тишина. Но теперь она была другой. Не тяжёлой, а тёплой и наполненной союзом двух сердец, связанных прошлым и готовых вместе шагнуть в будущее.

Когда стрелки каминных часов перевалили за полночь, я поднялась с кресла.

– Мне пора, – тихо сказала я. – Спасибо за всё, отец.

Он кивнул и мягко сжал мои ладони.

– Не волнуйся, Аврора. Завтра будет новый день, и мы справимся.

Я вышла из кабинета, бережно храня в себе тепло его слов. В коридорах царил полумрак, свечи отбрасывали дрожащие блики на пол. Паркет скрипел под моими шагами, а где-то в глубине дома промелькнула тень, словно сам дом

наблюдал за мной.

Открыв дверь в свою комнату, я увидела Марса. Он сидел на подоконнике, обвив хвостом лапы. Уши слегка подрагивали. Кот сразу повернул голову ко мне, его глаза блеснули янтарным светом.

– Ты ждал меня? – прошептала я, закрывая за собой дверь.

Марс прыгнул с подоконника на кровать, прошёл по покрывалу и уселся, глядя прямо на меня.

– Ты поздно, – сказал он тихим ровным голосом. – У нас проблемы. Я подслушал твою мачеху. Она уже подбирает тебе жениха.

Я села на край кровати, сжав пальцы.

– Я знаю, отец тоже... Он хочет меня защитить. Но что ты услышал?

Марс уселся рядом, аккуратно сложив лапы.

– Речь шла о некоем графе. Богат, стар, вдовец. Трижды. Его предыдущие жёны... погибли при странных обстоятельствах. Все молоды, как ты.

— Он хочет купить меня, — прошептала я, чувствуя, как тревожно забилось сердце.

Марс кивнул.

– Твоя мачеха готова пойти на сделку. Деньги для неё важнее, чем твоя жизнь. Судя по её поведению, они ведут переговоры, и, кажется, всё идёт не так, как она планировала. Но не переживай, я с тобой. И если потребуется, я готов выща-

рапать ему глаза.

Я не смогла сдержать улыбку, хотя глаза предательски увлажнились. Последние два дня я периодически плакала и ничего не могла с этим поделать. Видимо, гормоны и молодой организм давали о себе знать. Я погладила кота по мягкой спине и почесала за ухом.

– Спасибо, Марс.

Он бросил многозначительный взгляд на столик у окна. Я подошла: там уже дожидался поднос, накрытый льняной салфеткой. Под ней кружка молока и щедрый кусок пирога с яйцом, пахнувший луком. Пирог был ещё тёплым, как забота, с которой его оставила Бетси.

– Видишь? – довольно хмыкнул Марс. – Эта девушка понимает, кто тут главный. Она принесла всё это и долго меня хвалила, рассказывая о моей красоте и величии.

– Не перепутай поднос с короной, – пробормотала я, сев на кровать, и отломил кусочек пирога. – Хочешь попробовать?

– Знаешь, – сказал он с набитым ртом, – всё-таки пирог с яйцом – недооценённый шедевр. Простая еда для непростых вечеров.

– Ты философ?

– Я голодный философ.

Закончив трапезу, мы оба, сытые и слегка разнеженные, уютно устроились на кровати. Марс забрался ко мне под бок, довольно замурлыкал и произнёс сквозь зевок:

– Завтра узнаем, кто этот старик с тремя умершими жёнами. Может, он просто невезучий.

– Ага, может, он коллекционер, – буркнула я.

– М-да... тогда я попрошу у Бетси ещё пирога. Перед побегом.

Мы оба рассмеялись, тихо, уже почти в полусне.

Ночь, хоть и тревожная, впервые за долгое время не ощущалась такой одинокой и отчаянной. Я улыбнулась, закрывая глаза:

– Спокойной ночи, Марс.

– Спи уже, – он протянул лапу и положил её на меня.

9.

Проснулась я позже обычного. Луч солнца пробрался сквозь щёлку между шторами и лениво растёкся по полу, заливая комнату мягким золотистым светом. Марс, свернувшийся клубком у моих ног, открыл один глаз, потом другой и лениво зевнул.

– Поздравляю! Сегодня ты не проснулась с первыми петухами. Это очень великодушно с твоей стороны. Позволь мне выспаться, вместо того, чтобы будить своим ранним подъёмом и прогулками по влажным лужайкам.

Потянувшись, я попыталась спрятать улыбку, и в этот момент в дверь тихонько постучали.

– Входи, Бетси, – сказала я, узнав шаги.

Служанка вошла с обычной энергичностью, держа на руках аккуратно сложенное платье.

– Доброе утро, миледи. Выспались, надеюсь?

– Спасибо, Бетси. Даже немного переспала.

– То-то я смотрю, личико порозовело. Ну, готовьтесь: день обещает быть бурным.

Она повесила платье и ушла за подогретой водой для утреннего туалета.

Девчушка быстро вернулась с тазом горячей воды и полотенцами. Пока она суетилась в соседней комнате у умывальника, я встала с кровати и подошла к окну. Небо было ясным, ветер ласково играл листьями деревьев, а воздух наполнился ароматами свежести и цветов. За окном простирались цветущие сады поместья, живописно пересекаемые извилистыми дорожками.

Марс, увидев, что я уже встала, лениво спрыгнул с постели и устремился вслед за мной, мягко помахивая хвостом. У окна он удобно устроился рядом со мной, подставив морду солнечным лучам.

– Какое чудесное утро, правда, Марс? Даже птицы сегодня распелись особенно звонко.

Кот посмотрел на меня, прищурившись, и начал вылизывать лапу, не говоря ни слова.

Я направилась в соседнее помещение и позволила Бетси помочь мне немного ополоснуться. Она указала на небольшую лохань, куда я осторожно присела. Затем девушка на-

чала намыливать меня ловкими движениями. Боже! Ну наконец-то хоть какое-то подобие утреннего душа. Нужно будет обязательно подумать, как организовать его для себя.

Чувствуя себя свежей и отдохнувшей, я направилась обратно к своему туалетному столу, давая служанке возможность расчесать и уложить волосы в незамысловатую причёску. Не переставая щебетать, Бетси помогала мне одеваться. Она аккуратно затягивала шнурки на корсете, который я считала самой ужасной частью женского наряда. Увидев, как я морщусь, она старалась не доставлять дискомфорта. Я стояла, как кукла, которую крутят во все стороны. Мысли витали где-то далеко, я не слушала её болтовню о слугах и других новостях.

– Миледи. Простите, но леди Мэриэн просила поторопиться. Портниха уже в пути, и вас велено тоже привести для снятия мерок.

– Меня? – удивлённо переспросила я, приподняв брови. – Зачем? Кажется, у меня есть красивые наряды. По крайней мере, те, что я видела в шкафу, выглядят прилично.

Бетси вздохнула, начав раскладывать бант на платье.

– Леди решила, что вы должны быть «в надлежащем виде», – сказала она деликатно. – И потом ещё новости: лорд Рэдклифф собирается в город уладить кое-какие дела с банком. Я слышала, вроде как брать ссуду, чтобы подготовить всё к поездке в Эвервуд.

– Эвервуд... – повторила я, чувствуя, как внутри всё сжа-

лось. – Он поедет один?

– Нет, – ответила Бетси. – С ним поедут его племянник и лорд Эван Грэхем. Милорд решил, что кто-то должен быть рядом на случай непредвиденных обстоятельств. Они скоро придут, и в поместье поднимется настоящий переполох. Генри Арлингтон всё-таки такой красавчик. Ой, простите, миледи...

Девушка покраснела и замолчала, поняв, что сболтнула лишнее.

Я кивнула, задумавшись. Разве мой кузен Генри не живёт здесь? Я уже знала, что вдовствующая сестра лорда, леди Агата, постоянно находится в поместье. Нужно будет аккуратно выяснить все семейные нюансы.

Через полчаса, причёсанная, в светлом платье, я шагала по коридору к гостиной, где уже собрались леди Мэриэн и её дочь.

Дверь была приоткрыта. Я вошла и столкнулась с облаком духов, шелестом ткани и смешком Фелисити.

– Ну наконец-то, – протянула Мэриэн, не удосужившись повернуть голову. – Мы уже думали, ты опять где-то в саду или прячешься в конюшнях.

– Простите за опоздание, – я вежливо наклонила голову. – Бетси сказала, вы ждёте портниху.

– Именно. И несмотря на твои... странности, ты всё-таки ещё часть семьи, – с натянутой улыбкой сказала Мэриэн. – Мы должны представить единый образ, когда поедем

в Эвервуд.

– О да. Особенно если придётся притворяться, что она умеет себя вести, – прошептала Фелисити с усмешкой.

– Я слышу, – заметила я спокойно.

– Надеюсь, ты умеешь и молчать, – отозвалась Мэриэн.

– Не стоит выказывать своё... мнение, особенно когда тебя не просят об этом.

Когда портниха закончила с моими мерками. Я сразу сбежала из душного салона, наполненного запахами духов, лжи и злых взглядов. Воздух на улице показался мне глотком свободы. Пока Фелисити выбирала между оттенками «нежный персик» и «скромный коралл» (оба одинаково невыносимы), выскользнула из гостиной, сдерживая желание закричать. Быстро шагая в сторону конюшни, я старалась не попадаться никому на глаза, пока никто не придумал, как ещё «улучшить» мой внешний вид.

Марс, вышагивая рядом, фыркнул:

– Впечатляюще. Ни одна реплика мачехи не вызвала у тебя подёргивания брови. Полагаю, ты репетировала перед зеркалом?

– Нет. Просто хотела выжить, – буркнула я. – Чем больше молчу, тем больше они болтают.

– Ах, стратегия. Мне нравится. Почти как охота на мышей, только ты сидишь и терпишь, пока жертва сама не утонет в собственной глупости.

Конюшня встретила нас запахом сена и лошадей. Это был единственный уголок в поместье, где я могла дышать свободно. Роза радостно завизжала, высоко подпрыгивая и пытаясь одновременно лизнуть мне лицо и схватить подол платья.

– Кто у нас тут самая лучшая девочка на свете? – прошептала я, прижимая её к себе.

– Надеюсь, ты про щенка, – раздался знакомый голос за спиной.

Я обернулась и увидела Генри в проёме конюшни. Он был одет просто: тёмная куртка, слегка запylённые ботинки. На лице кузена играла та самая полуулыбка, от которой, как я подозревала, горничные в поместье теряли сознание.

– Сестра, – сказал он, подходя ближе. – Ты снова сбежала от суеты?

– Или от вышитых корсетов и запаха духов, который может оглушить лошадь, – кивнула я.

– Вполне разумно. Позволь представить тебе моего друга, – он обернулся. – Эван Грэхем.

Я подняла глаза и едва не забыла, как дышать.

– Рад знакомству, леди Аврора, – сказал гость.

– Я... я тоже... вас... рад... – выдала я с паузами, достойными актрисы, получающей награду. – Знакома. То есть... рада.

«Блестяще...» – мысленно застонала я.

Боже, как же неловко. Я совсем забыла, каково это – встречать красивых мужчин. В прошлой жизни, в свои пять-

десять шесть, я была слишком занята работой и своими четвероногими пациентами, чтобы обращать внимание на противоположный пол. А сейчас... Проклятые гормоны молодого тела!

Эван Грэхем был именно тем типом мужчины, от которого девичье сердце начинает биться чаще, а мозг временно отключается. Высокий, широкоплечий, с правильными чертами лица и серыми глазами. А эта лёгкая небритость...

«Соберись! – приказала я себе. – Ты взрослая женщина с медицинским образованием, а не пятнадцатилетняя девчонка»!

– Ммяу, – насмешливо протянул мысленно Марс, потираясь о мои ноги. – Кажется, кто-то забыл, как складывать слова в предложения.

– Заткнись, – прошипела я сквозь зубы, надеясь, что никто не заметил моего диалога с котом.

Эван приподнял бровь:

– Простите?

– О, это я... кхм... щенку, – соврала я, чувствуя, как краснеют щёки. – Она пытается съесть моё платье.

Я старалась не смотреть слишком открыто, но Эван действительно был... привлекательным. Не глянцевым, как это часто бывает у аристократов, а живым. Взгляд у него был ясный, голос спокойный. Едва молодой мужчина присел и ласково потрепал Розу за ухом, щенок тут же растаял.

– Она вас одобрила, – отметила я, чуть улыбнувшись.

– Я умею ладить с теми, кто не умеет врать, – ответил он, не глядя на меня, но в голосе чувствовалась улыбка.

– Животные действительно не умеют лгать, – осторожно согласилась я. – Они всегда искренни в своих чувствах.

– В отличие от людей, – Эван выпрямился и заглянул мне в глаза. – Последний раз я видел вас ребёнком, и то мельком. Вы сильно изменились.

«Если бы ты только знал, насколько», – подумала я, нервно теребя кружево на рукаве.

– Правда? – мой голос предательски дрогнул. – Я этого не помню.

– О да, – он приблизился. – Раньше вы были маленькой смешной девочкой, которая играла с котятами и аккуратно обходила муравьёв на дорожке. А теперь в вас появилась какая-то загадка.

Марс у моих ног издал звук, подозрительно похожий на фырканье.

«Загадка, как же! Просто в это тело вселилась душа старой ветеринарши.», – мысленно буркнула я, но вслух произнесла:

– Возможно, я просто повзрослела.

– Мы слышали от конюха, что животные вас любят, – продолжил Эван. – И даже лечите лошадей?

– Иногда, – ответила я уже более уверенно. – Мне просто повезло, что они мне доверяют.

– Это редкий дар, – сказал он серьёзно.

– И редкое терпение, – добавил Генри. – Особенно с этим щенком. Кажется, ты назвала её Розы. Я видел, как она пыталась стащить твою шляпу.

– Это была месть, – уверенно сказала я. – У Розы отличный вкус. Шляпа была ужасной и очень неудобной.

Мы все рассмеялись, и я почувствовала, как напряжение покидает плечи. Впервые за день я не чувствовала себя чужой в этом доме. Генри смотрел на меня тепло, без насмешки. А в глазах Эвана было что-то... искреннее. Внимательное. Как будто он видел меня — не наряд, не статус, не причёску. А именно меня.

– Прошу прощения, господа, – раздался позади деловитый голос управляющего. – Лорд Рэдклифф ожидает вас у парадного входа. Экипаж готов.

Эван поклонился, теперь уже прощаясь:

– Был рад знакомству, леди Аврора. Надеюсь, мы ещё встретимся.

– Взаимно, милорд, – пробормотала я, провожая взглядом его удаляющуюся фигуру.

«О-о-о, кажется, кто-то влюбился.», – промурлыкал Марс, потягиваясь.

– Ничего подобного! – возмутилась я. – Просто... непривычно всё это.

«Ага, особенно когда щёки пунцовые и сердце колотится, как у мышки при виде кота», – Марс издал звук, расценённый мной как смешок.

– Знаешь что? – я подхватила наглого пушистого насмешника на руки. – Пойдём-ка лучше посмотрим на лошадей. От них хоть толку больше, чем от некоторых язвительных советчиков.

«Как скажешь, – Марс уютно устроился у меня на руках. – Только не думай, что я не заметил, как ты спешно меняешь тему.»

Я только вздохнула. Кажется, эта новая жизнь будет куда сложнее, чем я предполагала. И дело даже не в интригах и магии... а в том, что я совершенно не готова к таким встречам. Особенно когда рядом есть саркастичный кот, готовый комментировать каждый мой промах.

10.

К вечеру поместье оживилось: за окнами послышался стук копыт, лай собак и гомон слуг. Возвращение мужчин из города сопровождалось суетой и хлопотами, как всегда, когда в доме появляется хоть намёк на события.

Я выглянула в окно и рассеянно произнесла:

– Прибыли. Отец, Генри и лорд Эван Грэхем. Последние – оба как с картины.

– Интересно, с какой именно? – проворчал Марс с подоконника. – С охотничьей, где все потом с ружьями и собаками в кустах?

– Да уж, – заметила я, поправляя платье. – Похоже, сегодня вечером нас ждёт представление. Бетси рассказала, что

Мэриэн нарядила Фелисити и наставляла её, как вести себя в присутствии Эвана.

В столовой всё сияло: серебро начищено, свечи горели, канделябры отражались в полированном дереве. Леди Мэриэн, словно сама хозяйка бала, встречала гостей у дверей, сверкая жемчугом и любезностью.

– Дорогой, ну наконец-то вы приехали, – сказала она с притворной улыбкой, беря мужа под руку. – Мы уже начали волноваться. Как всё прошло?

Лорд Рэдклифф устало кивнул и вежливо ответил:

– Всё прошло замечательно. Наш племянник и лорд Грэхем оказались прекрасными спутниками. Они помогли решить мой вопрос.

– Ах, лорд Эван! – повернулась к нему Мэриэн с притворным почтением. – Вы просто обязаны сесть рядом с нашей прелестной Фелисити. Она скучала весь день.

Фелисити вспыхнула, но тут же жеманно улыбнулась и начала свою любимую игру, смесь невинности и кокетства.

Я наблюдала за этим спектаклем, отмечая каждую деталь. Леди, словно опытный дирижёр, управляла всей сценой. Но что действительно привлекло моё внимание – это её едва уловимые взгляды в сторону Генри. То, как она «случайно» касалась его руки, передавая блюдо, как склонялась чуть ближе, чем требовали приличия, и шептала что-то.

«Видишь?» – мысленно спросил Марс, незаметно проскользнувший в столовую вслед за мной.

«Вижу, – ответила я, наблюдая, как мачеха ловко маневрирует между своими целями. – Она играет на два фронта. Выдать дочь за богатого лорда Грэхема, а сама...».

«А сама положила глаз на молодого племянника, – закончил кот. – Умно. Если получится соблазнить Генри и родить наследника, она укрепит своё положение в семье. А если нет... Всегда есть шанс породниться с состоятельным семейством через брак Фелисити.».

Я почувствовала тошноту. Интриги никогда не были моей сильной стороной, но сейчас я видела их насквозь. И это зрелище было отвратительным.

– Аврора, милая, – голос отца вывел меня из задумчивости. – Ты сегодня необычайно молчалива.

– Просто наблюдаю, отец, – ответила я с лёгкой улыбкой. – Иногда молчание красноречивее слов.

Леди Мэриэн бросила на меня острый взгляд. Кажется, она почувствовала в моих словах что-то большее, чем просто светскую фразу. Что ж, пусть волнуется. В конце концов, я тоже умею замечать детали.

После ужина я вернулась к себе, закрыла дверь и тяжело вздохнула. Марс уже ждал на кровати, сложив лапы и глядя с выражением: «ну, рассказывай!».

– Она флиртует с Генри. Без стыда. Как будто отец – просто мебель в доме, а не её муж, – я уселась рядом с котом и потёрла виски. – А Фелисити буквально бросили на лорда Эвана, как свадебную приманку с локонами.

Марс со вздохом перекатился на бок.

– Твоя мачеха – стратег. Пусть и уровня дешёвого фарса. Она хочет всё и сразу: богатство, влияние и чтобы вокруг думали, что она просто милая дама, скучающая у камина. Но в её голове целая шахматная партия. Ты – пешка, Фелисити – ладья, Генри – ферзь. А бедный лорд Рэдклифф... фигура, которую она собирается скинуть с доски.

– Ты думаешь, она хочет... подставить его?

– Я думаю, она хочет обмануть его. И использовать Генри, чтобы обеспечить себе власть в семье. Возможно, даже будущего наследника, если, не дай бог, лорд Рэдклифф умрёт.

Я почувствовала, как по спине пробежал холодок.

– Если это правда... Тогда мне надо быть очень осторожной. Важно удержать Генри на своей стороне. Если она решит сделать его своим союзником, я должна убедиться, что он выберет правду, а не интриги.

Марс кивнул.

– Да. Тебе надо аккуратно прощупать почву.

– Почему они не видят? – я встала и начала мерить шагами комнату. – Леди Агата, конечно, не самая умная женщина, это очевидно. Но отец... Неужели любовь может так ослепить? Мне показалось, что лорд не сильно привязан к жене. Или я ошибаюсь?

Марс лениво потянулся:

– Люди видят то, что хотят видеть. Твой отец видит заботливую жену, которая «так мило» опекает его племянника.

Леди Агата слишком занята своими делами, чтобы замечать то, что творится у неё под носом. А Генри... – кот фыркнул, – молод и неопытен. Лесть и внимание красивой женщины могут вскружить голову.

– Но ведь она старше его! – возмутилась я.

– О, милая, – Марс издал звук, похожий на смешок, – для некоторых женщин возраст – это просто цифра. Особенно, когда на кону власть и положение в обществе. Твоя мачеха прекрасно знает, что делает. И поверь мне, она не остановится на достигнутом.

Я подошла к окну. В саду уже сгущались сумерки, и первые звёзды начинали проступать на темнеющем небе.

– Тогда мне нужен план, – тихо произнесла я. – Что-то более существенное, чем просто наблюдение.

– Начнём с фундамента, – сказал Марс, встряхнув усами. – Если хочешь понимать чужие интриги, тебе нужно понять сам мир, в который ты попала. Это не просто старинное поместье с заносчивыми родственниками. У всего этого есть предыстория. Политика, история, устройство общества.

– Думаешь, в библиотеке есть ответы? – я подняла брови.

– В библиотеке есть всё, если знаешь, где искать, – с видом наставника ответил кот. – Идём.

Мы пробирались коридорами, пока дом не стих окончательно. В этот час слуги расходились по своим делам, а господа – по гостиным или спальням. Библиотека встретила нас уютным полумраком, запахом старых книг и еле заметным

ароматом лаванды.

– Вот, – Марс мягко запрыгнул на нижнюю полку. – Ищи «Историю Аргенты». Толстый фолиант в тёмно-зелёной обложке.

Я раскрыла книгу и начала читать вслух, Марс устроился рядом, уткнувшись подбородком в лапы:

«Аргента – южная провинция королевства Эстрейд, расположенная у побережья Серого Залива. Земля эта была богата рудой, соляными шахтами и плодородными долинами, благодаря чему с ранних времён оставалась лакомым куском для знати. Именно здесь началась история лорда Алерiona Рестона, получившего титул герцога Аргентского при дворе короля Эдгара IV за храбрость в битве при Морн-Клиффе.» .

Я перевернула страницу.

«После смерти герцога Алерiona правление перешло к его вдове леди Вивьен и их единственной дочери Мелиноре. Так началась эпоха Регентства, которую впоследствии назвали Веком Серых Решений. Леди Вивьен, женщина холодного ума и безупречной репутации, наладила торговлю с северными графствами, реформировала земельные налоги и ввела перепись крестьян. Она мечтала сохранить власть за дочерью и ради этого была готова пожертвовать многим.»

Когда Мелиноре исполнилось восемнадцать, ко двору прибыл лорд Харгрейв. Богатый промышленник с северо-запа-

да, владелец корабельных верфей и винокурен. Он предложил союз: брак и инвестиции в обмен на доступ к местным шахтам. Но Мелиноре отказалась. Она считала, что брак должен быть по любви. А экономические союзы — строиться на взаимных интересах, а не брачных контрактах.

Это решение стало началом раскола. Леди Вивьен сочла поступок дочери капризом и попыталась отстранить её от дел. Внутренний конфликт разросся до открытого противостояния, в которое вмешались советники, военные и даже соседи. В конечном счёте герцогство оказалось разделено. Мелиноре уехала в прибрежный город Локстон, где устроила народный совет и начала реформу управления: ввела фиксированные арендные ставки, право на участие в выборах местных управляющих и суд присяжных для простолюдн-нов.

Вивьен же осталась в столице провинции Эвервуде, где утвердила новое дворянское собрание, в которое входили союзные ей семьи. Её правление было жёстким, но эффективным: дороги строились, порты расширялись, но долги перед лордом Харгрейвом росли. Вскоре герцогство фактически оказалось в его руках. Он предложил Вивьен сочетаться браком для сохранения порядка и безопасности. Через некоторое время, после непродолжительной болезни герцогиня почилла.

Между тем, после раскола герцогства лорд Харгрейв издал жестокий, но продуманный указ. По его постановлению

право на вступление в наследство сохраняли исключительно мужчины либо вдовы, у которых не было наследников ни мужского, ни женского пола. Любая дочь, претендующая на земли, автоматически лишалась наследства, если в роду находился хотя бы один мужчина или же она по какой-то причине противилась замужеству. А если же леди, потерявшая мужа и не имевшая детей, решала вступить во второй брак, её земли переходили во власть нового супруга. Он получал полное право распорядиться ими по собственному усмотрению: оставить неприкосновенными для жены или продать, передать, заложить – как пожелает. Этот указ давал Харгрейву ещё больше рычагов влияния на знатные семьи Аргенты и превращал каждый брачный союз в политическую сделку с очень высокими ставками.

Историки до сих пор спорят, кто из двух женщин был прав. Вивьен обеспечила выживание Аргенты. Мелиноре – её душу. А когда спустя семьдесят лет народ добился объединения расколотого герцогства, в столице установили две статуи: мать и дочь, стоящих спиной друг к другу, но смотрящих в одном направлении – на море, откуда когда-то пришла перемена.» .

Я молча перелистнула ещё страницу, но следующая глава была уже о торговых союзах с Галбрейтом.

– Интересно, но не всё ясно, – сказала я. – Это всё без волшебства, без великих войн. Просто женщины, которые по-разному видели, как спасти своё наследие.

Марс медленно кивнул.

– Именно. И это куда страшнее. Потому что всё было по-настоящему. Решения, ошибки, цена.

Я прикрыла книгу и погладила обложку.

– Пожалуй, я перечитаю это ещё раз завтра. И, может, сделаю записи. Мне нужно понимать, как люди защищают то, что им дорого, не теряя себя.

– Тогда ты уже делаешь первый ход. – Марс зевнул. – И, надеюсь, не станешь одной из тех, кто сдаёт шахту в обмен на кольцо.

Я хмыкнула и погасила свечу.

– Не стану.

11.

– Я всё ещё не могу поверить, – фыркнула я, поправляя шаль. – Она бросала на него такие взгляды, будто собиралась съесть его заживо. Причём без гарнира.

– Или утащить его в свою спальню, – прокомментировал Марс, лениво ступая рядом. – Нежно припорошить маслом и обжарить на сковородке брачного притворства.

– Марс! – я не удержалась от смешка. – Это ужасно!

– Это точно, – кивнул он с самым серьёзным видом. – Но согласись, Генри выглядел озадаченным.

– А Фелисити с лордом Эваном? – Я закатила глаза. – Эта девочка флиртовала так усердно, что чуть не уронила бокал

в его тарелку. И что это был за смех? Она звучала, как чайник перед взрывом.

– Её манера смеяться – это оружие массового поражения. – Марс сощурился. – Я видел, как даже камергера передёрнуло.

Мы шли по садовой дорожке среди аккуратно подстриженных кустов и распускающихся весенних цветов. Воздух был насыщен ароматом сирени и лёгким намёком на будущие дожди. Никто не мешал нам перемывать кости новоиспечённым родственникам.

– Да... – Я замедлила шаг. – Генри не выглядел впечатлённым. Даже наоборот. Мне показалось, он смотрел на мачеху с какой-то... растерянностью.

– Это потому, что он не ожидал, что его мило опекающая «тётушка» вдруг решит вести себя как героиня третьеразрядного любовного романа.

– Шшш! – я резко остановилась. – Слышишь?

Где-то впереди, за заросшей аркой из плетистой розы слышались голоса. Женский – тягучий, с расчётливой нежностью, и мужской — сдержанный, немного напряжённый. Мы обменялись взглядами и, не сговариваясь, прокрались к живой изгороди, прячась за кустами.

В беседке сидела леди Мэриэн. Её локоны были безупречно уложены, а платье вызывающе лёгкое для столь прохладного утра. Напротив стоял Генри, явно пойманный в засаду утренней прогулки.

– ...Я так тебе благодарна, Генри, – голос мачехи был как липкий мёд. – Не знаю, как бы мы справились без тебя.

– Вы прекрасно справляетесь, миледи, – сдержанно ответил он. – И, честно говоря, я не думаю, что подобные разговоры уместны.

– Разговоры? – она наклонилась чуть вперёд. – Но разве мы не семья? Разве нельзя говорить... по душам?

– Именно потому, что мы семья, я прошу вас держаться в рамках, – голос Генри похолодел. – Вы замужняя женщина, а я ваш племянник.

– И что? – прошипела Мэриэн, отбросив жеманство. – Наше родство не навсегда, и по крови ты мне не племянник.

Он молча поклонился, развернулся и вышел из беседки быстрым шагом. Мы с Марсом едва успели пригнуться, чтобы не попасться на глаза. Мэриэн долго сидела неподвижно, смотря ему вслед, потом резко вскочила, прикусила губу и с досадой бросила:

– Маленький неблагодарный щенок. Думает, что я буду вечно смотреть на это семейство снизу вверх?

Она ещё немного постояла, потом ушла в сторону дома, стуча каблуками по каменным плитам. Я выдохнула.

– Ну вот и всё, – прошептала я. – Укусила, но зубы сломала.

– А жертва сбежала, виляя хвостом здравомыслия, – буркнул Марс. – Кажется, твой Генри ещё не совсем потерян.

– Да уж, – я улынулась. – А мачеха... похоже, получила

первый отпор.

– Но, увы, не последний, – Марс потянулся и уселся на дорожку. – Начинается весёлый сезон охоты. На мужей, наследство и на твою терпимость. Запасайся попкорном.

– И планами, – добавила я. – У меня ведь теперь есть собственная беседка, за которой стоит присматривать.

– И пара хороших кустов для подслушивания, – кивнул кот. – Сад становится интереснее библиотеки.

– Кто бы мог подумать, – усмехнулась я, – что главные драмы будут цвести вместе с розами.

После утренней прогулки по саду и странного взгляда, который леди Мэриэн бросила вслед уходящему Генри, я никак не могла избавиться от тревожного чувства. Это был взгляд, которым зрелая актриса осматривает нового амбициозного партнёра: с интересом, прищуром и – о ужас! – оценкой.

Вернувшись в свою комнату, я застала Бетси за тем, что она пыталась приручить мой шкаф. Он сопротивлялся, как мог.

– Миледи, я хотела навести порядок, – сказала она, уронив на пол третью шляпу и не прекращая борьбу с капризными вешалками.

– Бетси, оставь это. У меня к тебе вопрос.

Она замерла, шляпа осталась висеть у неё на локте.

– Конечно, миледи. Вы выглядите... подозрительно серьёзной. Что-то случилось?

– Ты ведь наблюдательная. Скажи мне честно: ты не замечала чего-то странного в отношениях между леди Мэриэн и кузеном Генри?

Бетси побледнела так, будто шкаф начал с ней разговаривать.

– Эээ... В каком смысле странного?

– Например, что она на него смотрит так, как будто он последний кусок торта, а она весь день сидела на диете приличия. И улыбается... вот этим «взрослым» выражением лица.

Бетси покраснела и, перестав возиться с одеждой, аккуратно села на краешек кресла.

– Миледи... Я не хотела бы сплетничать...

– Ты не будешь сплетничать. Ты станешь моим личным информатором, – важно сказала я, проигнорировав фырканье.

нье Марса. – Служанка с умом – это ценный союзник.

– ...Фыр-мыр-тыр, что? Простите, леди. Я не поняла.

Девочка смотрела на меня, как на снег среди лета, широко раскрыв глаза.

– Всё, забудь это слово... Расскажи мне всё, что слышала. Мы можем доверять друг другу. Я очень привязалась к тебе и ничего не сделаю, что могло бы тебе навредить.

– Хорошо. Но только вам. Когда-то... около полугода назад, я случайно услышала разговор леди Мэриэн. Она не заметила, что я стою за ширмой в бальном зале. Ну, я там шнуровку от её платья искала... Понимаете, иногда она улетает в сторону, как птичка на свободу.

– Не сомневаюсь, – пробормотала я. – И что она говорила?

– Она разговаривала с одной дамой – кажется, это была её подруга из Бата, та, с громким смехом, помните? Так вот... Леди Мэриэн жаловалась, что милорд «чрезмерно скуп в мужском отношении» и что все попытки завести наследника были, по её словам, «попытками вырастить розу на каменной клумбе».

Я удивлённо подняла голову и быстро взглянула на Марса.

– Она что, действительно обсуждала такие вещи вслух?

– Не только обсуждала. Она говорила, что «время уходит», что «Рэдклифф не вечен», а «будущее семьи может оказаться в руках молодого крепкого мужчины, достойного её внимания».

Я подняла бровь.

– Ты уверена, что она не имела в виду моего кузена?

– Да, миледи, – прошептала Бетси с выражением испуга. – Она упомянула его имя. Сказала: «Генри не только умён, но и благороден. И, возможно, заслуживает большего, чем просто место в тени своего дяди.».

Я откинулась в кресло и прижала пальцы к вискам.

– О нет... – простонала я про себя. – Марс, твоя ирония сейчас очень нужна.

С подоконника тут же прилетела мысль:

– У меня больше нет иронии. Судя по рассказу Бетси, твоя мачеха решила сыграть в шахматы, но без королевы приличия.

– Она хочет прибрать Генри к рукам, – пробормотала я.
– Или, по крайней мере, использовать его... Возможно, как способ получить наследника, если лорд умрёт. Или, не дай бог, сделать вид, что этот наследник «его».

Бетси в ужасе приложила ладони к щекам.

– Вы не думаете, что она могла бы... ну... вы понимаете... «подменить» отцовство?

Я задумчиво посмотрела в окно.

– Я думаю, что если в этом доме кто-то и способен на подобное, то это она. Но мы должны быть осторожны. И наблюдать. Если Мэриэн действительно что-то замышляет с Генри... мы обязаны это выяснить.

Марс зевнул, вытянулся в полный рост и подмигнул мне своим изумрудным глазом.

12.

После обеда, который намеренно пропустила, сославшись на лёгкое недомогание, я всё же решила найти кузена и выяснить его отношение ко всей этой ситуации. Бетси, проскольз-

нув ко мне в комнату, тихонько поведала, что Генри вышел подышать свежим воздухом на задний двор. Я почти бегом шла по дорожке, прижимая шаль к груди. Марс трусил за мной с видом того, кто хочет вмешаться, но слишком горд, чтобы кричать «стой, женщина, не позорься». После утренней сцены в беседке мне не терпелось найти Генри. Я чувствовала, что после такого он заслуживает хотя бы какую-то поддержку и порцию сочувствия.

Он стоял у балюстрады западной террасы, опершись на каменный парапет, глядя на лужайку с видом человека, которому только что читали мораль, при этом не скрывая подтекста.

– Генри! – позвала я, и он обернулся. На его лице отразилось удивление, но затем уголки губ чуть тронула улыбка.

– Аврора. Не ожидал... Прогулка в одиночестве? Или, – он кивнул на Марса, – в обществе старшего советника?

– Мы с советником видели утром сцену в беседке, – призналась я, подходя ближе. – Прости, что подслушивали. В саду всё отлично слышно.

Он покачал головой, но не выглядел сердитым.

– Это уже не первая... попытка со стороны твоей мачехи. Обычно я стараюсь не поддаваться на её намёки. Но сегодня, похоже, вышло особенно неловко.

– Ты справился достойно, – уверила я. – Она умеет быть... настойчивой.

– Не самое подходящее слово, – буркнул он и посмотрел

мне в глаза. – Я понимаю, как всё это выглядит. И честно, не хочу, чтобы ты думала обо мне... ну, будто я...

– Будто ты поощряешь её поведение? – мягко закончила я за него. – Нет, Генри. Я вижу, как неприятна тебе эта ситуация.

Он провёл рукой по волосам, явно нервничая:

– Знаешь, самое сложное – это сохранять вежливость. Она всё-таки жена дяди. Но порой... – он замолчал, подбирая слова.

– Порой хочется просто сказать всё как есть? – подсказала я.

– Именно. Но я не могу. Это разрушит семью. Дядя счастлив с ней или думает, что счастлив... – Генри вздохнул. – И я не хочу быть тем, кто разрушит его иллюзии.

«Благородно, но глупо.» – прокомментировал Марс, устроившись на перилах.

– Возможно, стоит поговорить с леди Агатой? – предложила я. – Она могла бы...

– Леди Агата... моя мать, – Генри нахмурился. – Она... знаешь, она живёт немного в своём мире. Все эти тонкости этикета, правильно завязанные ленты на платьях юных леди... Это её страсть. И, боюсь, она настолько поглощена своими обязанностями и подготовкой к разным светским мероприятиям, что просто не замечает... ну, всего этого.

Он вздохнул.

– К тому же она видит только то, что хочет видеть. А Мэ-

риэн умеет быть очень убедительной, когда нужно. С матерью она всегда сама любезность и почтение. Мама привыкла верить тому, что ей показывают. Вряд ли поверит мне, если я вдруг заявлю, что невестка откровенно флиртует со мной. Ей, скорее всего, покажется, что я выдумываю или пытаюсь посеять раздор.

«Ну да, ей же некогда, она учит юных дам, как грациозно оттопыривать мизинец при чаепитии.», – мысленно проворчал Марс, фыркнув.

– Это правда, – согласилась я. – Она словно соткана из сахара и милых улыбок. Но как она не видит... того, как ведёт себя леди Мэриэн с тобой? Отец тоже ничего не замечает. Ведь это же очевидно для стороннего наблюдателя!

– Не для всех, видимо, – Генри пожал плечами. – Или, может быть, они просто не хотят этого видеть. Лорд Эдвард только тем и занимается, что решает финансовые трудности. А мама... она просто... не от мира сего, когда дело касается таких вещей. Её больше волнует, не опоздаем ли мы к обеду и достаточно ли хорошо накрахмалены воротнички у слуг.

Мы немного помолчали, глядя на лужайку, залитую мягким светом. Тишина была нарушена только пением птиц и тихим мурлыканьем Марса, который, похоже, полностью одобрял наше общество.

– Тяжело, когда ты оказываешься в такой ситуации, – наконец сказала я. – Чувствуешь себя... в ловушке. Я как никто понимаю это. Не можешь ничего сказать, чтобы не на-

вредить, но и терпеть сложно.

– Именно, – Генри кивнул. – Порой мне кажется, что я просто хожу по тонкому льду. Одно неверное слово или взгляд – и всё может рухнуть. Я не наивный юнец и прекрасно понимаю, чего добивается...

Но договорить ему не удалось. К нам подбежал запыхавшийся Томас, младший конюх:

– Мистер Генри! Там... Лорд Грэхем просит вашей помощи! Его охотничья собака... Лили... Она... – Мальчик пытался отдышаться.

– Что с Лили? – резко спросил Генри.

– Её рвёт, и она странно дышит, хрипит... Лорд Грэхем в отчаянии!

Генри мгновенно преобразился. Исчезла задумчивость, появилась собранность:

– Где они?

– В охотничьем домике, сэръ!

– Аврора, – Генри повернулся ко мне, – ты же, по-моему, немного разбираешься в травах. Может быть, понадобится какое-то лекарство. Пойдёшь со мной?

Я кивнула, подхватывая юбки:

– Конечно.

Мы почти бежали по дорожке к охотничьему домику. Марс, вопреки своему обычному достоинству, спешил за нами.

Когда мы влетели в помещение, я сразу увидела прекрас-

ную охотничью суку, лежащую на боку. Её дыхание было хриплым, а из пасти текла слюна. Лорд Грэхем стоял рядом. Его лицо было бледным от волнения.

Генри сразу опустился рядом с собакой, осторожно ощупывая её живот и грудную клетку:

– Давно это началось?

– Час назад, – ответил Эван, нервно сжимая руки. – Лили сначала просто отказалась от еды, потом начала задыхаться...

Я села рядом с братом и внимательно осмотрела животное. Мои руки двигались быстро и уверенно, словно подчиняясь старым, давно отработанным навыкам. Я аккуратно прощупала её шею.

– Кость, – уверенно произнесла я. – Застряла в горле. Генри, мне нужна твоя помощь – держи её голову. Крепко.

Все замерли, наблюдая за моими движениями. Я действовала методично, как делала это сотни раз в прошлой жизни. Взяв собаку за нижнюю челюсть, я слегка повернула её в сторону, потом залезла пальцами в пасть. Через несколько минут напряжённой работы кость удалось извлечь, и Лили судорожно вздохнула, а затем послышались звуки, похожие на кашель.

– Всё хорошо, девочка, – успокаивающе проговорила я, поглаживая собаку по голове. – Теперь всё будет хорошо.

Подняв глаза, я встретила с внимательным взглядом лорда Грэхема. В нём читалось удивление, смешанное с чем-то ещё... восхищением?

– Леди Рэдклифф, – его голос был мягким, – вы только что спасли мою любимую собаку. Я... Я даже не знаю, как выразить свою благодарность.

Я почувствовала, как краснею:

– Это пустяки, правда. Главное, что с ней всё в порядке.

– Где вы научились так управляться с животными? – в его голосе звучало искреннее любопытство.

«Ох, если бы он только знал.», – хмыкнул Марс, наблюдая за сценой с безопасного расстояния.

Я пожала плечами и, смущаясь, произнесла:

– У моего кота это случалось несколько раз.

Эван выглядел невероятно взволнованным:

– Я не знаю, как вас благодарить. Лили... Я вырастил её со щенячьего возраста. Это невероятно... Леди. Вы можете рассчитывать на любую помощь с моей стороны. Я теперь у вас в долгу.

– Главное, присматривайте за ней внимательнее, – сказала я. – Кормите Лили мягкой пищей. И, может быть, стоит ограничить её прогулки на какое-то время.

Лорд Грэхем не переставал благодарить меня. Его взгляд был полон признательности и... искреннего интереса. От этого мои щёки предательски краснели.

– Останьтесь на чай, – предложил он. – После такого волнения нам всем не помешает отдохнуть.

Я хотела отказаться, но Генри уже принял приглашение за нас обоих. Пока слуга хлопотал, накрывая на стол, я наблюдала за Лили, которая уже чувствовала себя намного лучше и даже виляла хвостом.

«Неплохо. Это не надоедливые кривляния Фелисити, – мурлыкнул Марс, устроившись у моих ног. – Спасла собаку, произвела впечатление на лорда... Кстати, он до сих пор на тебя смотрит.»

– Замолчи, – прошептала я еле слышно.

– Простите? – переспросил лорд Грэхем.

– О, я просто... думала вслух, – улыбнулась я, мысленно проклиная свою привычку отвечать коту.

– Леди Аврора, я всё ещё под впечатлением от вашей самоотверженности с Лили, – сказал он тихо. – Я... Я никогда раньше не встречал леди, которая была бы настолько... искренне доброй и готовой прийти на помощь. Это большая редкость.

Я снова зарделась. Было странно слышать такие слова после всех тех уничижительных замечаний, к которым я уже привыкла в этом доме.

Когда мы, наконец, вернулись в дом, солнце уже клонилось к закату. Генри проводил меня до лестницы и остановился:

– Знаешь, Аврора... Спасибо тебе. Не только за Лили, но

и за... понимание. Приятно знать, что в этом доме есть хоть кто-то, кому можно доверять.

Я сжала его руку:

– Всегда пожалуйста. И если тебе снова понадобится поговорить...

– Я знаю, где тебя найти, – улыбнулся он.

Вечером, лёжа в постели, я размышляла о событиях дня. Марс устроился рядом, время от времени подавая комментарии.

«Знаешь, – протянул он, – возможно, эта новая жизнь будет интереснее, чем мы думали.»

Я повернулась на бок, глядя на него:

– Думаешь?

«Уверен. У тебя талант влипать в истории. А теперь ещё и титулованные особы заинтересовались.»...

– Прекрати, – я бросила в этого остряка маленькой подушкой, но он ловко увернулся.

За окном сгущались сумерки, в саду затихал последний щебет птиц, а я думала о том, что, возможно, мой ехидный кот прав...

Вечером следующего дня, чувствуя необходимость развеяться после светских встреч и уроков, я решила прогуляться по дому. Конечно, взяла с собой Марса. Мы бродили по коридорам, заглядывали в пустующие комнаты, пока наше путешествие не привело на кухню. Там, у очага восседала старая женщина внушительных размеров с добрыми уставшими

глазами. Бетси называла кухарку Эллой. Она приехала в поместье много лет назад вместе с моей матерью, когда родители поженились. Уже тогда она была пожилой женщиной. Слуги шептались, что Элла была кормилицей леди Элизабет Данверс.

– Аврора, дитя, – прокряхтела она, заметив меня. – Что ты тут делаешь в такое время? Прости. Всё время забываю, что ты уже взрослая и к тебе нужно обращаться «леди».

Мы разговорились. Элла действительно вырастила мою маму и меня, соответственно, тоже. Я всё чаще ловила себя на мысли, что воспринимаю себя как Аврору.

– Ох, леди Элизабет... – вздохнула она, вытирая руки о фартук. – Она была такая добрая. Не то, что нынешняя хозяйка... Простая была, без этих церемоний всяких. И людей любила. Она ведь разбиралась в травах, помнишь? Сама сборы делала и слуг лечила, если что случалось. Говорила, что её бабушку один знахарь научил. А та, в свою очередь, передала эти знания внучке. Только себя, голубку, твоя матушка спасти не смогла.

Я слушала, затаив дыхание, и на глаза наворачивались слёзы... Моя мать... Лечила людей? Знала травы? Это было так непохоже на образ идеальной светской дамы, который пытались мне навязать.

– А... А где она хранила свои травы? И... ну, записи? – спросила я, вдруг почувствовав сильное волнение.

Элла махнула рукой в сторону старой, давно неиспользу-

емой части дома.

– Да где-то в старой башенке. Там у неё что-то вроде кабинета было. Книги, сушёные травы висели... Сказали потом, что, вроде, никто ничего не трогал после... ну, как её не стало. Так там, наверное, всё и лежит. Пылью присыпало, конечно.

Моё сердце подпрыгнуло. Записи мамы! Травы! Это был не просто старый хлам, это была ниточка к той женщине, которая дала жизнь Авроре, ну и мне теперь, соответственно. И о которой я знала так мало. Возможно, там хранилось нечто большее, чем просто рецепты травяных сборов.

Марс тёрся головой о мою юбку.

«Не волнуйся, мы всё узнаем и обязательно туда ходим.».

Я благодарно сжала руку Эллы и пообещала заглянуть к ней завтра. В её взгляде было что-то материнское. Теплота, которой мне так не хватало с тех пор, как я попала в этот мир.

Когда мы с Марсом вышли из кухни, ночь уже вступила в свои права. По коридорам рассыпались тени, а сквозь высокие окна пробивался холодный лунный свет. Но я больше не чувствовала страха. Теперь у меня была цель.

Добравшись до своей комнаты, я долго не могла уснуть. Перед глазами стоял образ женщины, описанный Эллой: добрая, простая, лечащая людей... Мама. Настоящая мама Авроры. А что, если и во мне осталась частичка её дара?

Наутро я дождалась, пока дом затих после завтрака, и,

убедившись, что мачеха с сестрой уехали на прогулку, направилась в упомянутую Эллой башенку. Она находилась в дальнем крыле, куда почти никто не заходил. Узкая винтовая лестница скрипела от моих шагов. Марс шёл следом, его уши были настрожены.

Дверь в комнату была не заперта. Я толкнула её, и та со скрипом поддалась. Внутри царил полумрак. Переступив порог, я едва сдерживала волнение. На столе лежали свитки бумаги и деревянная коробка с выцветшей надписью. Узкие окна, полки до потолка, связки сухих трав, потемневшие от времени бутылочки с бирками и – о, чудо! – потрёпанный кожаный блокнот. Марс тихо чихнул, потянув носом в сторону.

На одном из листов едва можно было различить: *«От лихорадки. Смешать корень валерианы с цветками бузины»*. Перевернув страницы в начало, я увидела размашистую, но изящно выведенную подпись: *«Для Авроры. Когда она будет готова.»* Я коснулась бумаги пальцами. Она хранила тепло человеческой руки. Руки моей матери. Мама будто ждала, что я приду. И я пришла.

14.

Словно в полусне, я спустилась с башни, прижимая к груди блокнот. Сердце билось учащённо, мысли путались. Я не могла оставить всё как есть. Нужно было поговорить с отцом.

Он знал маму, понимал, кто она на самом деле. Возможно, он знал и о её травах. Я надеялась, он расскажет мне больше.

Лорд Рэдклифф был в своём кабинете. Это я поняла по приглушённым голосам, которые звучали в тишине старого дома. Я замерла на секунду, набираясь смелости, и постучала.

– Войдите, – отозвался отец.

Дверь открылась, и я увидела его. Он сидел у камина в привычном кресле, обложенный бумагами. Рядом стоял мужчина, которого я не знала. Высокий, с благородной осанкой, сидящий, но всё ещё крепкий. Его пронизательный взгляд скользнул по мне с любопытством.

– Аврора, милая, подойди, – сказал отец, пытаясь улыбнуться. Улыбка вышла натянутой. Он медленно встал, слегка морщась, и незаметно потёр левую сторону груди. Моё сердце сжалось.

– Позволь представить тебе лорда Николаса Сеймура, моего давнего друга. Он недавно вернулся из долгого путешествия и пробудет у нас всего один день, после чего отправится в свой особняк в Эвервуде. Я попросил графа присмотреть за вами на балу.

– Рада знакомству, – ответила я, стараясь выглядеть учтиво, но внутренне напряглась. Лорд Сеймур посмотрел на меня с лёгким наклоном головы.

– Для меня честь, леди Аврора. Я много слышал о вас от вашего отца.

– Надеюсь, он не рассказывал обо мне слишком много, – попыталась я пошутить, но голос дрогнул.

Отец сел обратно, снова слегка потирая грудь. Я подошла ближе.

– Папа, мне нужно с вами поговорить. Это важно.

Он кивнул, жестом позволив говорить. Я показала блокнот, прижимая его к груди, словно он был чем-то священным.

– Я нашла это... В башне. Там, где мама держала свои травы. Там всё осталось. Её сборы, книги... и этот блокнот. Он был подписан: *«Для Авроры. Когда она будет готова»*.

Отец опустил взгляд. В его глазах мелькнула боль.

– Твоя мать была особенной женщиной, – сказал он после паузы. – Очень умной, доброй... Она действительно знала травы. Я не рассказывал тебе, потому что... – он замолчал, словно подбирал слова, – хотел уберечь от грусти.

– Но я хочу знать, папа. Хочу узнать, кем она была на самом деле. И... кем могу быть я.

Он снова прижал руку к груди, дыхание стало чуть тяжелее. Николас, всё ещё молчавший, переглянулся с ним, будто что-то заметил тоже.

– Мне нужно уехать, – сказал отец, переводя разговор в другое русло. Он старался скрыть усталость в голосе. – Возникли дела, которые нельзя отложить. Постараюсь приехать в Эвервуд позже. Не уверен, что успею к балу, но на остальные мероприятия обязательно буду, обещаю.

– Ты плохо себя чувствуешь? – спросила я тихо. – Это сердце?

Он не ответил, только отвёл взгляд.

– Всё хорошо, милая. Просто устал. Много дел. Возраст берёт своё, не беспокойся, моя девочка. А сейчас... прошу, позволь мне поговорить с лордом Сеймуром. Нам нужно многое обсудить.

Я кивнула, но в груди уже зашевелилась тревога. Отец не был откровенен, я это чувствовала.

Вечером в своей комнате я сидела на полу, прислонившись спиной к кровати. Марс устроился рядом, положив голову мне на колени. Я не могла успокоиться. Мысли вихрем кружились в голове, как белки в колесе. Бездействовать было не в моём характере. Нужно было что-то предпринять, чтобы облегчить его состояние. Мужчины во все времена одинаковые. Обращаются к врачам только в крайнем случае, это не новость.

– Ты тоже заметил, Марс, правда? – сказала я, поглаживая его по густой шерсти. – Он бледен, дышит тяжело. И эта рука... Он всё время держится за грудь. Это сердце. Я уверена.

Марс тихо вздохнул в ответ.

– Да, – произнёс он. – Похоже, эти проблемы его совсем измотали.

Я открыла блокнот матери. Страницы были исписаны аккуратным почерком, украшенным рисунками растений и краткими заметками. Сначала шли рецепты: настои, отвары,

мази. Рядом с названиями трав, которые мне совсем незнакомы, были аккуратные детальные зарисовки растений, их изображения. Какая-то часть меня, та, что всегда любила прогулки в лесу и саду, замирала от любопытства. Вот это да, мама знала все эти секреты!

Но дальше были не только рецепты. Были наблюдения о людях, о погоде, о приметах. И кое-где очень личные, словно обрывки мыслей. О том, как важно быть честной с собой, как найти свою силу и не бояться быть не такой, как все. И фразы, которые сейчас звучали для меня совершенно по-новому, зная, что отец скрывал ее увлечение травами. Например, *«Настоящая мудрость приходит не из книг, а из наблюдений и понимания природы»*. Или *«Иногда, чтобы помочь другому, нужно просто... выслушать. Или дать нужную траву»*.

Я листала его, пока не наткнулась на раздел под названием *«Сердечные хвори»*. Там были описаны симптомы: боль в груди, слабость, одышка. Всё сходилось.

Под одним из описаний был рецепт отвара:

«Для укрепления сердца: пустырник, боярышник, мята, немного зверобоя. Заваривать на слабом огне, не кипятить. Пить тёплым: утром и вечером.»

Я закрыла блокнот, прижав его к груди. Мне нужно было приготовить этот отвар. Срочно.

– Нам нужна Элла, – прошептала я Марсу. – Только она знает, где найти все эти травы.

Кухня была полутёмной, но очаг ещё тлел, и в его свете я увидела знакомую фигуру. Элла подрёмывала, укрытая шалью, пока в кастрюле что-то тихо булькало.

– Элла? – тихо позвала я.

Пожилая женщина вздрогнула и с недоумением взглянула на меня.

– Ох, Аврора, дитя, напугала ты меня, – она слабо улыбнулась. – Что стряслось? Ты вся, как тень, бледная.

Я подошла ближе и показала блокнот.

– Я нашла мамины записи. Там есть рецепт отвара... для сердца. Отец плохо себя чувствует, я это видела. Он держится за грудь, тяжело дышит. Я думаю, ему больно. А этот рецепт может облегчить боль. Поможешь мне?

Элла внимательно посмотрела на меня, потом на блокнот. На лице её отразилась грусть и, возможно, страх. Она взяла книгу в руки, провела пальцами по строкам, как по памяти.

– Да... Я помню этот рецепт. Леди Элизабет сама его пила, когда... когда начинала чувствовать тяжесть. Она говорила, что его ей бабушка оставила ещё с тех времён, когда аптек не было. Лучше бы, конечно, позвать лекаря, но если ты настаиваешь...

– У нас есть всё нужное? Конечно, я попрошу отца обратиться к врачу, но это займёт время. Лекарь тоже даст ему травы.

Элла задумалась.

– Боярышник точно есть, я сушила в прошлом году. Ме-

лисса в кладовой. Мяту можно найти у стены, хоть и поздняя весна. А вот пустырник надо будет посмотреть на верхней полке, кажется, у меня оставался.

Она поднялась, её движения были неторопливы, но уверенны.

– Хорошо, Аврора. Сделаем всё, как твоя мать делала. Только, дитя, обещай мне: не пытайся вылечить всё и всех сама. Иногда сердце не только от болезни болит...

Я кивнула, ощущая, как в груди разливается тепло благодарности и тихая решимость.

– Можно... можно я сама? Под твоим присмотром. Я хочу сделать это сама.

Элла внимательно посмотрела на меня.

– Давай попробуем, – женщина покачала головой и направилась к полкам. – Пустырник... Кажется, он был там, за мешком с мукой. А вот зверобой... надо поискать.

Она доставала стеклянные банки и холщовые мешочки, ставя их на стол. Запах сухих трав наполнил кухню – горьковатый, терпкий, живой.

– Ты думаешь, травы в башне ещё годятся? – спросила я, глядя на её руки. – Мама собирала их так давно... Наверное, они уже потеряли свои свойства?

Элла вздохнула, перебирая сухие веточки мяты.

– Некоторые, может, и потеряли, дитя. Но многие, если правильно хранились, ещё могут быть сильными. А если нет... – она улыбнулась мне. – Мы с тобой засушим новых!

Весна ведь: скоро всё зацветёт. Я тоже кое-что в травах понимаю, меня ещё моя бабушка учила. Не так, как твоя ма-тушка, конечно, она была словно с природой сговорена, но кое-какие снадобья знаю.

Марс, до этого внимательно наблюдавший, вдруг мяукнул и потёрся об мои ноги.

– Мурррррр... – словно напоминая о чём-то.

– Марс? – я наклонилась и настроилась на его мысли. Точно. Как же я сама не догадалась. Спасибо. Что бы я без тебя делала?

– Элла, библиотека! – хлопнула я себя по лбу. – Я ведь видела там книги о растениях, наверно, отец покупал их для мамы! Редкие – по травам и медицине.

Элла кивнула.

– Вот видишь, Аврора? У тебя есть сокровища твоей мамы. И эти книги наверняка помогут тебе во всём разобраться. Но сейчас... Сейчас нам нужен отвар для лорда.

Мы работали молча. Под её руководством я отмеряла травы, заваривала их, следила за температурой. Элла всё время наблюдала, поправляла, иногда подсказывала, но не вмешивалась.

– Сейчас заварим, как леди Элизабет учила. На медленном огне. А ты пока посиди, отдышись, – она ласково коснулась моей руки. – Не переживай так. Всё будет хорошо. Я сама прослежу, чтобы лорд выпил этот отвар. Утром и вечером, – Элла хитро подмигнула. – Уж он меня послушается,

как миленький! Никуда не денется. Главное, чтобы ему полегчало.

Я посмотрела на неё и почувствовала огромное облегчение. С Эллой рядом и с маминым блокнотом в руках я чувствовала себя не такой потерянной.

– Спасибо, Элла. Правда. Спасибо за всё.

Она улыбнулась и потрепала меня по щеке.

– Ты у нас вся в мать. Хотя, по правде, даже лучше. Только никому не говори.

15.

С того самого утра, когда леди Агата решила, что девицы Рэдклифф должны предстать на балу в Эвервуде «прилично подготовленными», дом наполнился звуками шагов, возгласами танцмейстера и горестными вздохами горничных.

– Леди, я же прошу вас выставить локоток, как будто вы держите хрупкую чайную чашку, а не кочан капусты! – воскликнул пожилой танцмейстер с прусскими усами, направляясь ко мне слегка дрожащей походкой.

– Это не локоток, это преступление против грации, Аврора, – добавила леди Агата, крутясь возле нас, словно ястреб в поисках ошибки. Её взгляд был острым, а слова ранили больше игл. Для неё любое моё движение, не соответствующее эталону леди из её учебников, было личным оскорблением. Идеалом, конечно же, была моя сестрица.

Фелисити сверкала, как фарфор. Её реверансы вызывали слёзы, казалось, даже у чугунного подсвечника. Она исполняла па-де-бурре с такой же страстью, с какой запоминала имена всех возможных женихов в округе. Их титулы и, что самое главное, их состояние. Казалось, она родилась с веером и блокнотом для записи потенциальных мужей.

Я же ощущала себя куклой, у которой отвалились и левая нога, и терпение. Особенно, когда меня заставили петь какую-то слезливую песенку с нотной тетрадью в руках, словно я была в академии для заблудших аристократок. Памятуя о своих прошлых достижениях в музыке и пении, я была приятно удивлена, обнаружив, что могу издавать мелодичные звуки. Даже леди Агата одобрительно кивнула, что было равносильно получению медали.

– Улыбайтесь, леди Аврора, будто видите что-то приятное, например, вон ту прекрасную люстру, – инструктор по улыбкам (да, был и такой) пялился на неё в ожидании вдохновения.

– Она шатается, – заметила я, глядя вверх. – Если люстра упадёт, возможно, это будет первый весёлый момент за весь день.

Инструктор по улыбкам замер, его собственная улыбка медленно сползла с лица. Леди Агата издала возмущённый возглас. Марс, наблюдавший за происходящим с подоконника, фыркнул так выразительно, что танцмейстер обернулся в поисках недовольного гостя. Кошачье фыркание было един-

ственным по-настоящему искренним звуком в этой комнате.

– Когда начнётся бал, может, ты будешь делать реверансы вместо меня? – шептала ему я в перерывах между мучениями.

– Только если будет сырное угощение и я в смокинге, – мысленно отвечал его взгляд.

Так прошли эти дни, наполненные уроками, которые, казалось, должны были превратить меня в идеальную светскую леди, но только убеждали меня в тщетности этой затеи. Пока мы изнывали под гнётом этикета, Генри и лорд Эван Грэхем проводили дни на охоте. Они уезжали рано утром, когда туман ещё не успел рассеяться над полями, и возвращались лишь к ужину, усталые, но, как мне казалось, удовлетворённые своим времяпрепровождением.

Вечера за ужином были единственным временем, когда мы собирались все вместе. Стол лорда Рэдклиффа ломился от блюд, но атмосфера часто была напряжённой. Генри и его приятель обменивались фразами об успехах охоты, о собаках и погоде. Это были редкие минуты нормального общения. К сожалению, эти островки спокойствия быстро накрывало цунами из комментариев моей мачехи и Фелисити.

– Ах, лорд Эван, как вы сегодня устали, наверное! – щебетала Мэриэн, склоняя голову. – Мой дорогой муж никогда не любил так долго оставаться в лесу. Он предпочитает тишину библиотеки.

– У лорда Грэхема, я уверена, гораздо более крепкое здо-

ровье, матушка, – подхватывала Фелисити, томно глядя на Эвана. – Ведь будущему маркизу нужна выносливость!

Их разговоры неизменно сводились к титулам, наследству, правилам поведения в высшем свете и обсуждению, кто из местных аристократов считается «завидной партией». При этом они так умело обставляли свои реплики, что формально их нельзя было упрекнуть в неуместности. Но подтекст был очевиден: демонстрация Фелисити как идеальной кандидатки на роль будущей маркизы.

Генри в такие моменты, казалось, сдерживал себя, его лицо становилось скучающим. Лорд Эван отвечал вежливо, но лаконично. При этом я заметила, что его взгляд часто скользил по столу и останавливался на мне. Эти взгляды были задумчивыми, порой даже любопытными. Когда мне удавалось вставить реплику (что было редко, поскольку у меня получалось говорить только по делу и очень сдержанно), он иногда слегка улыбался. Это были короткие искренние улыбки, которые резко контрастировали с натянутой любезностью Мэриэн и Фелисити.

Я старалась не смотреть на него слишком часто, боясь привлечь лишнее внимание. Особенно со стороны мачехи. Но чувствовала его взгляд и ловила редкие знаки внимания. Это делало бесконечные уроки грации и пения чуть менее невыносимыми. Было странно видеть, как этот серьёзный, немногословный лорд, вокруг которого вились моя мачеха и сестра, проявляет интерес к той, кого считали... ну, кем

считали меня – не слишком послушной, слишком прямолинейной и совершенно не вписывающейся в представления о «приличной молодой леди».

Неделя пролетела быстро. Охота, уроки, душные ужины под присмотром Мэриэн и леди Агаты, редкие задумчивые взгляды Эвана. Я уже привыкла к этому странному ритму, когда всё резко изменилось.

В последний день, когда мы собирались к ужину, в столовую почти вбежал явно взволнованный слуга. Он передал лорду запечатанное письмо. Напряжение повисло в воздухе, пока Эван быстро читал. Его лицо побледнело.

– Мне нужно срочно выехать в Эвервуд, – произнёс он, обращаясь к лорду Рэдклиффу. – Мой отец очень болен.

Вся атмосфера в комнате изменилась. Отец выразил соболезнования и понимание. Леди Агата выглядела обеспокоенной, Генри подошёл к Эвану с искренней тревогой на лице. А Мэриэн... Мэриэн мгновенно перешла в режим расчёта.

– Ох, как ужасно! – воскликнула она, прикладывая руку к груди, но в её глазах плясали огоньки не сочувствия, скорее предвкушения. – Надеюсь, маркиз поправится...

Расстроенный молодой человек поднялся из-за стола, извинился и поспешно покинул обеденную залу, чтобы срочно подготовиться к поездке. Мачеха задумчиво посмотрела ему вслед и взяла в руки чашку.

– Хотя... – она сделала многозначительную паузу. – Учитывая его возраст и тяжесть болезни...

Она повернулась к Фелисити. Её голос стал чуть тише, но все сидящие за столом услышали:

– Если так случится, что пожилой лорд покинет этот мир... Эван, безусловно, вступит в наследство и получит титул по праву. Его состояние, как известно, огромное. У тебя будет меньше времени, Фелисити. Ты должна очень постараться, чтобы привлечь внимание лорда Грэхема. Теперь ставки выше.

Эти слова повисли в воздухе, как ядовитый туман. В одно мгновение трагедия, происходящая где-то далеко, превратилась в повод для новой стратегии охоты за титулом и богатством. Генри резко отодвинул стул, бросил салфетку на стол и молча вышел за своим другом.

Поздним вечером, когда я читала книгу, сидя в углу своей комнаты, тихо вошла Бетси. Лицо девушки было встревоженным, а дыхание быстрым и прерывистым, как будто она только что бежала. Я подняла брови, отложила роман и подошла ближе.

– Что случилось?

Служанка бросила взгляд по сторонам, будто боялась, что кто-то заметит, и протянула мне небольшой свёрток бумаги, аккуратно перевязанный шелковой лентой.

– Миледи, – тихо сказала она, не поднимая глаз, – конюх передал мне пакет. Он просил срочно и тайно передать вам письмо. Это от лорда Грэхема.

Пока я развязывала ленту и разворачивала бумагу, мои

руки дрожали. Внутри лежала небольшая записка, написанная уверенными и аккуратными буквами.

«Дорогая леди Аврора!

Простите меня за вынужденную грубость: за то, что отправляю это послание столь необычным способом. Но обстоятельства вынуждают действовать именно так. Прежде всего, хочу выразить благодарность за вашу доброту и участие в судьбе моей собаки. Ваш поступок тронул меня глубже, чем я мог предположить.

Кроме того, позвольте надеяться, что судьба предоставит нам шанс встретиться вновь. Возможно, на ближайшем празднике в Эвервуде, куда приглашена ваша семья.

Ваш преданный друг,

Лорд Эван Грэхем».

Прочитав письмо дважды, я глубоко вздохнула.

*** Па-де-бурре – классический термин, обозначающий движение ног танцовщика. Серия небольших шагов, выполняемых быстро и плавно.

16.

Прошло две недели с того вечера, когда я впервые приготовила отвар для отца. Всё это время он действительно выглядел лучше. Румянец вернулся на щёки, походка стала бодрее, а взгляд вновь обрёл ясность. Он даже шутил за завтраком, поддразнивая Мэриэн. И не отмахивался от мо-

их расспросов, хотя, конечно, на самые тревожные темы всё равно предпочитал не говорить.

Настой, который мы с Эллой заваривали каждый вечер, стал частью утреннего ритуала. Отец пил его без капли сомнений, благодарил нас обеих и каждый раз напоминал, что гордится мной. И всё же, несмотря на внешние признаки улучшения, я не могла избавиться от ощущения, что это лишь отсрочка. Что-то во взгляде, в долгих задумчивых паузах между словами и в том, как отец иногда замирал, глядя на нас с Мэриэн, говорило: его что-то очень тревожит.

Настал день отъезда. Мы собирались ехать в Эвервуд. В столицу, где должен был состояться бал и где кипела светская жизнь. Фелисити надеялась привлечь внимание состоятельных женихов, а леди Мэриэн – завести полезные знакомства. Я, по правде говоря, не горела желанием покидать дом. Лорд Эдвард не мог поехать с нами сразу. Он всё ещё решал дела, связанные с поместьем, и обещал присоединиться чуть позже.

Меня разрывали противоречия: с одной стороны, я не хотела оставлять отца одного, а с другой – чувствовала, что если откажусь ехать, это только усилит его тревогу. Он был твёрд в своём решении: «Ты должна ехать, Аврора. Ты – часть семьи и должна быть представлена. А я... Я скоро буду

с вами.».

Когда наутро перед отъездом мне сказали, что котов в карету брать нельзя, я была готова сцепиться с кем угодно.

– Без Марса не поеду, – заявила я, стоя посреди комнаты с руками в боки. – Можете говорить, что хотите. Он поедет со мной, или я остаюсь.

Отец рассмеялся – по-настоящему искренне.

– Пусть едет, – сказал он, едва справившись со смехом. – Если кот будет рядом, я уверен, Аврора не перевернёт всю столицу с ног на голову. Только... Корзину крепкую и чтобы не дрался.

Я кинулась ему на шею, и он обнял меня крепко, как в детстве.

– Спасибо, папа, – прошептала я.

В итоге Марс ехал у моих ног в солидной плетёной корзине, выстланной мягкими подушками. В той же карете, что была предназначена для меня, Бетси и Эллы. Я была только рада этому: мне не хотелось сидеть рядом с Мэриэн и слушать бесконечные жалобы на состояние дорог, моду и недо-

статочное внимание отца к её туалетам.

Мы выезжали из поместья на рассвете. Воздух был свеж, дороги покрыты лёгким утренним инеем. Слуги суетились, нагружая багаж. Мэриэн с Фелисити уже сидели в своей карете, а я всё ещё не могла отпустить руку отца.

– Не переутомляйте себя, – прошептала я. – Обещайте, что будете пить отвар, как мы договаривались.

– Обещаю, милая. Ты только не волнуйся.

Он прижал мою ладонь к груди, к месту, где билось его сердце. Его пальцы были чуть прохладными, но крепкими.

– Будь умницей, Аврора. Не переживай. Я скоро приеду. Как только завершу все дела, сразу отправлюсь в Эвервуд. Николас будет на месте, он всё уладит.

– А если станет хуже? — тихо спросила я, уткнувшись ему в плечо.

– Не станет, – отозвался он с улыбкой. – Ты меня исцелила. Чувствую себя прекрасно.

Я кивнула, но в горле стоял ком. Казалось, мы упусти-

ли что-то важное. Между нами висела какая-то недосказанность, словно тень от чего-то более глубокого и значимого.

Мэриэн нетерпеливо поглядывала на нас, явно желая поскорее отправиться.

– Ты справишься, – сказал он тихо. – Ты сильнее, чем думаешь. Это в крови у всех Рэдклиффов.

Я не могла сдержать слёз. И, увидев это, отец ласково поцеловал меня в лоб.

– А теперь поезжай. И присматривай за своей сестрой.

– Обязательно.

Родитель отступил. Подал знак кучеру, и колёса кареты медленно закрутились, увозя нас прочь от родного поместья.

Поначалу я смотрела в окно, пока поля, лес и деревья не скрылись за горизонтом. Марс, удобно устроившись у меня на коленях, дремал, слегка подрагивая усами. Элла шепталась с Бетси, иногда бросая на меня сочувственные взгляды. Она всё понимала.

– Лорд поправится, дитя, – сказала она наконец, когда я перестала смотреть в окно. – Твоя мать знала, что делала,

когда писала тот рецепт. Отвар действует. Я вижу.

– Я тоже... но всё равно тревожно. У него что-то внутри, о чём он не говорит. Словно... будто бы знает о чём-то неизбежном. Ты замечала?

Элла вздохнула и перекрестилась.

– Люди, которые многое теряли, всегда смотрят на нас так. Будто через стекло. Но иногда всё не так страшно, как мы думаем. Он держится ради тебя.

Я кивнула и прижалась щекой к тёплой шерсти Марса.

– Боюсь, что однажды проснусь, а его не будет. Тогда никому будет защитить меня.

– Вот потому и надо быть рядом, когда он приедет. Чтобы ни один час не прошёл впустую.

День был долгим. Мы ехали почти без остановок, только делали привалы на еду и отдых лошадей. Мэриэн в своей карете, без сомнения, жаловалась на пыль и скуку. А я, несмотря на укачивание и усталость, чувствовала странное умиротворение.

Я держала на коленях мамин блокнот. Он лежал у меня в дорожной сумке, и я достала его, чтобы было чем занять себя в дороге. Временами заглядывала в него, читала пометки: о травах, боли и душе. Некоторые строчки были личными – письма, обращённые к будущей Авроре. Я открывала страницы наугад и зачитывалась рецептами, где мать писала о целебных свойствах липы, ромашки и калины. Почерк был немного размашистее, как будто писала наспех, но всё равно аккуратный. Я всё чаще ловила себя на том, что начинаю разговаривать с этой женщиной, как с кем-то живым.

– Ты много ещё мне расскажешь, да? – прошептала я, касаясь страниц. – Мы с тобой разберёмся во всём.

– С кем ты говоришь, дитя? – подала голос Элла, которая, казалось, дремала.

– С мамой. Или с собой. Или с Марсом. Уже не знаю, – улыбнулась я.

– Тогда передай всем троим, что скоро мы прибудем, – пробормотала она, снова устраиваясь поудобнее. – А я, может, всё-таки вздремну... если этот кот перестанет пялиться на меня, как на добычу.

Марс фыркнул и, кажется, закатил глаза.

К вечеру мы въехали в Эвервуд. Огни столицы начали мерцать в тумане: фонари, вывески, отражения в мокрой брусчатке. Город был шумным, живым и совсем не похожим на наш тихий, чуть забытый мирок в поместье.

Меня охватило волнение – не из-за бала, не из-за предстоящих встреч. А из-за неизвестности. Я чувствовала: впереди многое, что изменит меня. Но в глубине души всё, чего я хотела – это поскорее снова увидеть отца на пороге нашего столичного особняка.

Дом встретил нас величественно, если не сказать: с осуждением. Каменное здание с колоннами и тёмными окнами казалось мрачноватым и слегка обиженным, будто мы опоздали на сотню лет, не предупредив заранее о своём приезде. Мэриэн вышла из кареты с видом мученицы, прошедшей пустыню босиком. Она сразу же начала командовать слугами, указывая, куда именно нужно отнести вещи и, кажется, даже управлять самой Вселенной.

– Ах, наконец-то! Мне нужно принять ванну. Эта дорожная пыль повсюду, – сказала мачеха, нервно заламывая руки и подгоняя слуг.

Я же, шатаясь от долгой дороги, сжимала корзину с Мар-

сом, который выглядывал наружу с видом усталого дипломата. Нас развели по комнатам. Мачеха заняла парадную спальню с видом на улицу, где могла следить, кто приезжает и у кого наряд моднее. Эллу и Бетси отправили в нижние помещения. А мне досталась небольшая, но светлая комната на втором этаже с большим окном и креслом у камина. Я почти сразу устроила Марса на кровати и, не разуваясь, плюхнулась возле него.

– Всё, конец. Я превращаюсь в развалины, – прошептала я.

Марс потянулся, прошёлся по покрывалу, обнюхал подушку, закатил глаза и уселся рядом.

– Не стоит так драматизировать, – сказал он, используя тон, каким маркизы успокаивают невест перед алтарём. – Мы в столице! Здесь, помимо бала и новых знакомств, тебя ждут лавки, магазины с книгами, аптеки и аптекари, готовые ответить на любые вопросы.

Я приподняла бровь:

– Точно! Аптеки. Мне нужно пополнить запасы трав, чтобы к приезду отца приготовить новый отвар.

– Ну а что? Раз уж мы здесь и нас никто не знает, пора отрываться. Пройдёмся по рынку. Ты найдёшь себе травы, а я, возможно, украду селёдку у уличного торговца. Весна – пора обновления.

– Ты кот, ты не ешь селёдку.

– Я личность. Не ограничивай меня.

Я рассмеялась, откинулась на спину, глядя в потолок. Усталость смыкала веки, но в голове уже крутились образы лавок, тёмных стеклянных пузырьков, запаха сушёных трав и... может даже одного аптекаря с добрыми глазами, который позволит мне изучить книги за стойкой.

Дверь тихонько скрипнула, и в комнату неслышно вошла Бетси с подносом. Она принесла поздний ужин. В комнате сразу запахло свежим хлебом, бульоном, душистым чаем и сметаной для Марса.

– Миледи, вы, наверное, устали до смерти, – мягко сказала она, ставя поднос на столик у камина. – Я подумала: вам не помешает что-то тёплое перед сном.

Я с благодарностью кивнула, ощущая, как в теле отзывается каждая миля пути.

– Спасибо, Бетси... Я бы не отказалась от помощи. Вода есть?

– Конечно, миледи, – улыбнулась служанка и принялась ловко расшнуровывать платье, помогая мне избавиться от дорожной одежды. – Я сразу попросила принести вам сюда горячую воду для умывания. Сейчас подам.

Она исчезла в соседней комнате и вскоре вернулась с полотенцем, приглашая меня пройти. Я плеснула на лицо тёплой водой, смывая усталость и дорожную пыль. Вытирая руки, села у туалетного столика. Бетси аккуратно расчёсывала мои волосы. Она перебирала пряди, будто знала, как важны эти простые жесты. Мы быстро поужинали. Марс, облизывая усы, устроился на кровати и начал тщательно умываться.

– Бетси, ты мой ангел, – прошептала я, зевая. – Не знаешь, здесь есть аптека поблизости? Хочу посмотреть и купить кое-какие травы.

– Завтра утром, если позволите, я провожу вас туда, – сказала она. – Тут недалеко есть одна, у церкви Святой Магды. Старый аптекарь, правда, глуховат, но травы у него отличные. Можем позвать с собой Эллу.

– Это было бы прекрасно, – прошептала я, перебираясь поближе к рыжему другу.

Служанка укрыла нас пледом, поправила подушки и убрала поднос.

– Отдыхайте, миледи. Завтра будет новый день.

17.

Утро началось с грохота вёдер, шарканья метёлок и восклицаний слуг. Эвервудский особняк, спавший в запустении, внезапно проснулся. По приказу леди Мэриэн началась генеральная уборка. В коридорах сновали горничные с тряпками и щётками. Управляющая сосредоточенно приглядывала за слугами, а сам воздух пропитался запахом мыла, пыли и раздражения.

Леди Мэриэн ходила по дому с видом королевы, вернувшейся во владения после долгого изгнания. Она остановилась у окна большого зала, указала на тёмное пятно на гардинах и закричала:

– Что это за безобразие?! Где была прислуга, пока мы были в поместье? Я наведу тут порядок, можете не сомневаться! Все распустились! Распустились!

Слуги сгибались в поклонах, поспешно исчезая за углами. Управляющая, женщина пожилого возраста с выправкой военного и лицом, похожим на высушенную сливу, сжала губы

и что-то тихо ответила.

На завтрак явились все, кроме Марса. Он, как умный кот, благоразумно спрятался в укромном месте, предчувствуя бурю. Я села на своё место, наблюдая, как Фелисити величественно отпивает чай из фарфоровой чашечки, как будто всё происходящее не имеет к ней никакого отношения.

– К вашему сведению, – начала леди Мэриэн, раскладывая салфетку с торжественностью, достойной священного ритуала, – вскоре прибудет леди Агата. Её уроки были недостаточно усвоены, так что мы начнём сначала. И на этот раз – без поблажек. Этикет, обращение, походка, дикция. Всё, как положено юной леди.

– Замечательно, – пробормотала я, намазывая масло на хлеб. – Уроки леди Агаты напоминают лечение пиявками.

Мэриэн прищурилась:

– И ещё. Я не потерплю, чтобы этот... этот кот разгуливал по дому, разносил шерсть и блох. В конце концов, ты не на ферме.

Я подняла глаза.

– Марс – часть семьи. И, к слову, гораздо тише, чем некоторые.

Мэриэн вскинула голову, в её глазах сверкнула угроза.

– Ты смеешь перечить мне, девочка? Я заменила тебе мать!

Моё сердце сжалось, но я не отступила.

– Вы мне не мать и никогда ею не были.

Молчание повисло за столом, плотное, как кисель. Фелисити, сидевшая рядом, поддакнула матери, бросив на меня презрительный взгляд.

Мэриэн прищурилась, сложила руки на груди и холодно произнесла:

– Если ты продолжишь в том же духе, Аврора, мне придётся подумать о твоём будущем всерьёз. Я подыщу тебе мужа, который научит тебя держать язык за зубами и быть покорной, как подобает юной леди.

– Покорной? – переспросила я, не веря своим ушам. – Лучше быть одинокой и в здравом уме, чем выйти за кого-то, кто видит во мне только глупую куклу!

Фелисити захихикала:

– Тогда ты останешься старой девой с котом. Как мило. Леди Аврора и сэр Марс.

– Это всё равно лучше, чем быть марионеткой на ниточках, – бросила я, вставая из-за стола. – Приятного аппетита.

Я вышла из столовой, оставив за собой гробовую тишину. За дверь я прислонилась к стене, глубоко вздохнув. Ссора вспыхнула, как сухая трава, но я не жалела.

Если быть собой — значит идти наперекор их ожиданиям — пусть будет так. Но я не позволю себя сломать.

После обеда я решила прогуляться в аптеку. Свежий воздух был просто необходим. Бетси шагала рядом, заботливо поддерживая мой плащ. А Элла ворчала, стуча каблуками по мокрой мостовой.

Эвервуд жил своей бурной жизнью. Узкие улочки петляли между высокими каменными домами с черепичными крышами и вывесками, скрипящими от ветра. Воздух был наполнен ароматом жареных каштанов, копчёного мяса и конской сбруи. Торговцы громко зазывали покупателей. Уличные музыканты наяривали бодрые мелодии, а где-то вдалеке били колокола. Возле каждой витрины толпились прохожие: женщины любовались шляпками, кухарки выбирали свежее мясо, а кто-то просто спешил по своим делам.

– Только не сворачивай к булочной, Аврора, – проворчала Элла. – У меня слабость к сдобным кренделям, а у нас цель.

– Ты сама себя загоняешь в ловушку, Элла, – хихикнула я. – Теперь я точно не удержусь.

Мы свернули на боковую улочку, где вывеска в виде пестика и ступки покачивалась над низкой дверью. Аптека оказалась уютной, с деревянными полками от пола до потолка, уставленными бутылочками, банками и пучками сушёных трав. Воздух был наполнен ароматами валерианы, воска и чего-то терпкого. Возможно, настойкой полыни.

За прилавком стоял пожилой мужчина с аккуратно подстриженной бородкой и круглым животом. Он надевал очки, явно не замечая нашего прихода.

– Добрый день, – начала я. – Простите, могу я к вам обратиться?

– Здравствуйте! – аптекарь оторвал взгляд от своей книги и улыбнулся. – Прошу, проходите. Чем могу быть полезен,

юная леди?

– Я ищу... определённые травы, – я достала мамин блокнот. – У меня есть рецепты, которые мне очень дороги. Мне бы хотелось их собрать.

Он взял блокнот, полистал страницы, его брови полезли вверх.

– Это... это прекрасный сборник! Кто автор?

– Моя мать. Леди Элизабет Рэдклифф.

– Рэдклифф... постойте-ка... – Он прищурился. – Она приходила сюда много лет назад. Высокая, светлые волосы, умная. Да-да, у неё был чудный почерк и любовь к календуле.

– Всё верно. А вы... помните её?

– Конечно, – хозяин аптеки кивнул. – Леди, хотя я уже очень стар и слух подводит меня, но память — никогда. Она однажды спорила со мной о настойке на зверобое. И, должен признать, оказалась права. А вы, леди, весьма на неё похожи. Особенно взглядом. И прямоотой.

Он повёл меня к полке.

– У вас, я вижу, уже есть интерес к медицине?

– Есть. Я... не совсем обычная леди, – смутилась я, но аптекарь только хмыкнул.

– Мир спасают не те, кто танцует на балах, а те, кто лечит тех, кто на них падает, – сказал он. Так что вы, пожалуй, выбрали верную сферу. Нечасто встретишь юных леди с головой на плечах не только ради шляпок.

Я заметила, что его пальцы покрыты бугорками – болезненно воспалённые суставы.

– Простите, могу я спросить... это подагра?

– Да, увы. Возраст не пощадил мои руки.

– Позвольте посоветовать вам травяной сбор. И ещё нужно отказаться от мяса, особенно дичи. Лишняя мочевая кислота может только усугубить воспаление.

Он приподнял бровь, впечатлённый.

– Умна и внимательна. Надеюсь, вы ещё вернётесь. В этом городе не хватает тех, кто видит больше, чем положено.

Мы покинули аптеку с пакетами, в которых шуршали листья и корешки. На выходе я обернулась и вновь встретила взгляд аптекаря – доброжелательный, немного грустный. Он кивнул, и я почувствовала, как душу окутывает тепло. Мамин путь теперь был и моим.

Воздух был наполнен запахом жасмина и звоном колоколов церкви. Мы шли по брусчатке, когда из-за угла выехала тёмная карета с гербом, украшенным золотыми львами. Экипаж остановился, и из окна выглянул знакомый силуэт:

– Леди Аврора? Какая приятная случайность!

Это был лорд Николас Сеймур, тот самый друг отца, вернувшийся из путешествия. Он поклонился, открыл дверцу:

– Не откажетесь от скромного предложения довезти вас до дома?

Элла посмотрела на меня с прищуром, Бетси, наоборот, вспыхнула. Я сделала книксен:

– Мы будем признательны, милорд.

Карета тронулась, плавно скользя по улицам Эвервуда. Внутри было тихо, уютно. Пахло лимоном и чем-то древесным. Николас Сеймур оказался собеседником приятным: ненавязчивым, с лёгким чувством юмора.

– Лорд Рэдклиф говорил мне, что вы интересуетесь медициной, – заметил он. – Очень необычное увлечение для молодой леди.

– Вы, милорд, тоже необычный человек, – сказала я. – Не каждый бросает двор и отправляется в странствия по Востоку. Отец рассказывал мне о ваших приключениях.

Он рассмеялся:

– Вы остры на язык. Мне это по душе.

Я улыбнулась, но тревога не отпускала. Короткая поездка в аптеку и разговор с фармацевтом напомнили мне, как же мне не хватает отца. Я представила его у камина с книгой и чашкой ароматного чая, здоровым и полным сил.

– Поскорее бы он приехал, — прошептала я, глядя в окно на проплывающий мимо город.

18.

На следующее утро, когда первые лучи солнца ещё робко пробивались сквозь плотные занавеси столичного дома, я проснулась с глухим чувством тревоги. Мысли о вчерашней ссоре не давали покоя. Я долго лежала, уставившись в

потолок, пока не услышала шум карет на улице. Марс сонно приоткрыл один глаз, когда я опустила ноги на коврик и встала с постели. Откуда-то доносился аромат тёплого хлеба и специй. Этот запах манил и, накинув домашний халат, я тихо спустилась вниз.

Моя Элла стояла у большого котла и что-то варила. Она закатала рукава и ворчала себе под нос о ленивых городских слугах, которые спят, когда солнце уже вот-вот встанет.

– Элла, – позвала я, и она обернулась, вытирая руки о фартук.

– Аврора, голубушка, ты чего так рано? Не спится? Садись. Сейчас чай поставлю.

Я кивнула и села за стол. Несколько секунд молчала, тебя край скатерти, а потом решилась:

– Элла... После того падения... Я не помню многого. Иногда даже лица из прошлого будто затуманены. Всё вокруг – знакомое и чужое одновременно. Я боюсь задать вопросы отцу, боюсь, что он расстроится.

Элла застыла, держа в руке чайник. Потом медленно опустила его на плиту и подошла ближе.

– Забыла? – прошептала она.

Я кивнула.

– Помню, как зовут меня. Помню отца, Марса, даже тебя... – я сглотнула. – Чувства будто остались, а воспоминания – как страницы, вырванные из книги. Я не знаю, какой была до этого. Не помню, что любила. Почему некоторые в доме меня не любят. Я будто чужая сама себе.

Элла села напротив, глаза её блестели от тревоги.

– Вот оно что... А я-то всё думаю: смотри, как ты изменилась. В голосе уверенность появилась, в поступках – твёрдость. Даже не портишь себе день слезами, как бывало раньше.

– А я раньше была плаксой? У меня и сейчас слёзы близко, только я стараюсь их не показывать никому.

– Ты была... нежной, ранимой. Ох, дитя, тебе ведь и впрямь нелегко, – кухарка сжала мою ладонь. – Спрашивай, что хочешь. Расскажу всё, что знаю.

Губы задрожали, сердце учащённо забилося, отдаваясь

пульсацией в голове.

– Ты ведь знала маму. И её семью. Можешь рассказать?

Элла застыла, взгляд её стал серьёзным.

– Знала, – сказала она наконец. – Знала, как свои пять пальцев. Род Данверсов был старинным, знатным. Леди Элизабет была младшей дочерью, а династия её шла ещё со времён короля Эдгара. У них было всё: земли, положение, титулы. Только, вот беда, навалились одно за другим несчастья. Отец леди погиб на охоте, мать умерла от чохотки, братья – один на дуэли, второй – в Индирии, от лихорадки. Так осталась она одна, юная, но гордая. И добрая не по рангу.

– Как же она встретила отца? – прошептала я, впитывая каждое слово.

– На балу в Эвервуде. Он был тогда ещё не виконтом, а просто лордом Эдвардом. Твоя мама рассказывала мне, как она увидела его на веранде – промокшего, с разорванной перчаткой, но с глазами, полными жизни. С тех пор и началась их история. Любовь с первого взгляда, не иначе. И плевать им было на титулы и предрассудки. Через год поженились. Земли Данверсов перешли во владение твоего отца.

– Они были счастливы? – я опустила взгляд.

Элла помедлила.

– Были. Очень. Но... счастье редко длится долго.

Я слушала, затаив дыхание.

– А потом... – я запнулась. – Что случилось потом, Элла?

Пожилая женщина вздохнула, как будто с плеч рухнула старая тяжесть.

– Потом... была ты. Рождённая в любви. А дальше... Несчастье. Последняя беременность леди Элизабет... Все ждали мальчика, надеялись, что на сей раз будет легко. Ребёнок замер на восьмом месяце. Матушка твоя очень страдала, но молчала. Врачи не сумели помочь. Она умерла в муках в своей постели. Только ты и отец были рядом. Это его и надломило.

Я сжала руки в кулаки, чувствуя, как слёзы подступают к глазам.

– Почему мне никто не рассказывал?

– Все думали, тебе лучше так. Просто старались не упо-

минать её имя. Отец души в тебе не чаёт, но боль его так и не прошла. А мачеха... сама видишь, какая она. До сих пор не понимаю, чем она смогла привлечь лорда.

На кухне стали собираться слуги и сонные горничные. В этот момент к нам подошла взволнованная Бетси.

– Миледи, вы здесь? Я искала вас в комнате.

Внезапно с улицы раздался шум: скрип колёс, лай собаки и голос лакея.

– Леди Агата прибыла, – сообщил он.

Элла подскочила.

– О, святая Магда, наконец-то явилась эта ведьма этикета и реверансов, – раздражённо пробормотала она. – Иди, дитя, одевайся к завтраку. Не ровён час, увидит тебя здесь, будет скандал. Придётся выслушивать её нотации.

Я торопливо поднялась по лестнице, сердце всё ещё гулко отдавало в груди. Боль и нежность, всплывшие из слов Эллы, будто оставили след на коже. Мысли путались, и мне казалось, словно я только что прожила жизнь, о которой раньше знала лишь по обрывкам воспоминаний Авроры. Образ

матери – тёплый, ласковый, с лёгкой печалью в глазах – начал оживать во мне. И это пробуждало не только боль, но и странное чувство силы.

В комнате я переоделась в серо-голубое утреннее платье, аккуратно причесалась и, не дожидаясь Бетси, спустилась к завтраку.

Леди Агата уже сидела за столом, прямая как стрела, в плотном сиреневом платье с кружевным воротом. Её седые волосы были собраны в строгий пучок, а серьёзный взгляд под тонкими дугами бровей сканировал меня, как интроскоп.*

– Аврора, ты опаздываешь, – сухо заметила она, поднося к губам фарфоровую чашку.

– Простите, леди Агата, – я села на своё место и откинула волосы за спину.

– Утро начинается не с извинений, а с порядка, – вмешалась леди Мэриэн, едва сдерживая раздражение. – С появлением леди Агаты в доме, я надеюсь, ты, наконец, вспомнишь о приличиях.

– Девочка и так держится достойно, – отозвалась тётушка

с холодной вежливостью. – Однако совершенству нет предела.

Я опустила взгляд в тарелку, где на белом фарфоре лежал ломтик поджаренного хлеба с клубничным вареньем.

– Полагаю, вы прибыли из резиденции вчера вечером? – осторожно спросила я, чтобы разрядить обстановку.

– Сегодня утром. Едва рассвело. Мой кучер, как всегда, ныл, что дорога разбита, – леди Агата сделала глоток. – Генри остался в Арлингтон-Холле. Упрямяк, как его отец. С каждым днём всё больше тяготится обществом.

Постепенно разобравшись в семейных отношениях, я узнала, что Генри – единственный сын покойного барона, Достопочтенного Лорда Арлингтона. Он был племянником моего отца и главным наследником. Их семейное поместье находилось в двух часах от нашего. Леди Агата была очень привязана к семье брата и жила под опекой лорда Рэдклиффа. Отдав управление поместьем сыну, она почти не покидала наш дом. Считая своим долгом следить за тем, чтобы «её девочки стали достойными леди».

– Генри в последнее время практически не посещает нас. Нередко так случается, что молодым людям требуется тишина, – заметила я, бросив взгляд на мачеху.

– Это не «нередко», это неприлично. Он избегает приглашений, пренебрегает обязанностями, – леди Агата резко отставила чашку. – Я не понимаю, что происходит. Я его мать, но он говорит со мной, как с посторонней.

– Наверное, ему нужно время, – пробормотала я. – Иногда тишина – это попытка что-то сказать.

– Тишина – роскошь, которую мы не можем себе позволить, – вмешалась мачеха. – Особенно для мужчин его положения. Надеюсь, он не разочарует семью.

Леди Агата посмотрела на неё так, будто собиралась осадить, но передумала.

– Я здесь не ради разговоров о Генри. Я приехала, чтобы заняться вами, девочки. До бала осталось менее недели. Репутация семьи зависит от того, как вы будете держаться...

Пока Мэриэн подбирала слова, чтобы перехватить инициативу, я уныло смотрела в тарелку с овсянкой. «Началось...».

*** Интроскоп – официальное название рентгеновской установки для досмотра багажа и ручной клади.

Фелисити, сидевшая с идеальной осанкой, тут же закивала.

– Я уже выучила всю последовательность реверансов, тётушка.

– Хорошо. Но придётся повторить, – Агата перевела взгляд на меня: – А ты, Аврора, всё ещё недостаточно внимательна к мелочам. Движения резки, осанка неустойчива.

Я молча кивнула. Внутри меня поднялась волна возмущения, но я её сдержала.

– Я готова заниматься, – тихо сказала я. – Только... не надо постоянно напоминать мне, что это мой долг. Я и так это знаю...

Леди Агата чуть прищурилась.

– Иногда долг требует от нас больше, чем хочется. Ты – леди, и это обязывает.

Мачеха усмехнулась.

– Вот потому я и говорю, Аврора. Тебе нужен муж, кото-

рый научит держать язык за зубами, как подобает леди.

Я вскинула голову, кровь прилила к щекам.

– Муж, который ломает меня? Нет, спасибо.

– Ты груба! – вспыхнула она. – Ты не смеешь пререкаться со мной!

– А вы не смеее называть это заботой! – голос дрогнул, но я не отступила. – Я больше не та, что раньше. Я не позволю кому-то заставить меня бояться.

Тишина за столом была оглушительной. Леди Агата вздохнула.

– Возможно, дух противоречия в тебе – это то небольшое, что осталось от твоей матери. Ты действительно очень изменилась в последнее время, Аврора. Элизабет тоже не умела молчать, когда следовало. Это было её благословением и проклятием.

Голос тётки звучал устало, почти с сожалением.

– Простите, – выдавила я. – Я не хотела спорить. Но я устала быть тенью себя.

Леди Агата кивнула.

– Быть женщиной в нашем мире – всегда борьба. С другими. С собой. С ожиданиями. Только помни, Аврора: если уж ты решила идти против течения – плыви уверенно.

Впервые за долгое время, я ощутила уважение в голосе тётки. И от этого стало легче. Завтрак закончился в напряжённом молчании. Я поднялась в комнату, чтобы немного прийти в себя.

Сердце всё ещё билось учащённо, щёки горели, но в груди появилось странное новое чувство, словно я сделала шаг туда, куда давно боялась взглянуть. Я не только ответила мачехе, я отстояла себя. И что удивительно, леди Агата не разозлилась. Она поняла. Или почти поняла. Этого было достаточно. Мысли кружились, словно осенние листья на ветру. Но где-то внутри расправлялись крылья.

Я едва успела сесть за столик у окна, чтобы переписать несколько рецептов из блокнота матери, как в дверь постучали, и вошла Бетси с лицом, сияющим, как начищенный самовар.

– Леди Аврора! – пропела она. – Она приехала! Вас ждут в малой гостиной.

– Кто? – вскинула я брови. – Королева?

– Почти, – Бетси закатила глаза. – Модистка! Сама мадам Делакруа! С четырьмя сундуками и выражением лица, будто ей пришлось ехать верхом на свинье. Вас ждут на примерку, миледи. И... – она понизила голос, – платье почти готово!

– Персиковое? – обречённо уточнила я.

Бетси кивнула с воодушевлением, будто говорила о чуде природы.

– Да! Такое изысканное! Такое... эlegantное! Оно будет оттенять ваш цвет кожи. Леди Мэриэн лично выбирала ткань.

Я тихо застонала. Вот уж не сомневалась. Персиковый цвет вызывал у меня стойкие ассоциации с перезрелыми фруктами и дамами, которые пахнут слишком сладко и смеются, не открывая рта.

– Разве нельзя... зелёное? Или хотя бы синее? Слилась бы со шторами: элегантно и очень достойно.

Я вздохнула с таким трагизмом, что Бетси приснула со

смеху.

– Ну не могу я любить персиковый цвет, – пробормотала я. – Я в нём как “спелый абрикос – на юге рос”.

– Вы в нём как летний вечер, – мечтательно сказала Бетси.
– Или как сливки в закатном свете...

Мы спустились вниз. В малой гостиной нас уже ждала мадам Делакура. Невысокая, плотная, как колобок, с булавками во рту и пронизательным взглядом портного. Она могла мгновенно оценить и талию, и критичность ситуации.

– Ах, мадемуазель Рэдклифф! – всплеснула она руками.
– Какое очаровательное полотно! Теперь осталось только из него сделать картину.

Я встала на подиум, готовясь к бою. Персиковое платье сверкнуло на вешалке всеми оттенками компота.

Поздним вечером, после утомительной примерки и уроков этикета, я наконец-то оказалась в своей комнате. Котёнка, заскучавший без внимания, с удовольствием ел курочку прямо из моих рук.

– Итак, что мы имеем? – твёрдо сказала я, отламывая

небольшой кусочек грудки. – Отец меня действительно любит. Это факт.

Кот, не отвлекаясь от курицы, выразительно муркнул, что, по его мнению, означало: «Об этом я тебе давно говорил.».

– Леди Агата... – я задумалась, глядя в окно. – Она не так уж и плоха. Строгая, безусловно, но в ней есть разум. И главное – не злоба, а желание помочь. Возможно, со временем она станет союзницей. Особенно, если Мэриэн продолжит вести себя так же. У кого угодно проснётся совесть.

Марс выразительно чихнул, возможно, в знак согласия. Или просто перец попал в нос.

– А вот леди Мэриэн... – я понизила голос. – Вот уж кому не мешало бы щёлкнуть по носу. Или, ещё лучше – нацепить намордник. Бархатный, с жемчужной отделкой – пусть страдает, но со вкусом.

Кот остановился и уставился на меня с восхищением. Кажется, он мысленно уже примерял мачехе это изысканное украшение.

– Я всё поняла. Пора перестать бояться эту надушенную гадюку. Я больше не серая мышка под столом. Я – Рэдк-

лифф! Даже если у меня иногда бывает шерсть на платье.

Кот потёрся о мою щёку и пристально посмотрел мне в глаза.

– Господи... Аврора, ты же вроде умная женщина. Была... Извини, Елена Борисовна, я называю тебя так в последний раз. Возьми наконец-то себя в руки и прекрати мямлить, а также метаться из стороны в сторону, хватаясь за всё и сразу. Соберись. Если уж на то пошло, ты выше по рангу мачехи и Фелисити. Ты старшая законнорождённая дочь виконта. Я тут потёрся между слуг и кое-что услышал. Мэриэн – дочь баронета. Рыцаря, не входящего в Палату лордов. По сути, брак Мэриэн с твоим отцом – мезальянс.

Я ошарашенно уставилась на него и потеряла способность думать. Вся информация о сословиях, которую так тщательно вбивала в меня тётя Агата, снова смешалась в голове. Герцоги, графы, маркизы и прочая аристократическая дребедень. Титулы учтивости мне вообще не давались. Постоянно крутилась мысль: «кум королю, сват министру». Или, как говорила моя бабушка Маня: «Такая уж мы родня. Ваш забор горел, а наш дед задницу грел.»

– Да ладно... – протянула я, не веря своему счастью.

Рыжий советник потрогал лапой крылышко, вздохнул и отвернулся.

– Учи матчасть, – бросил он. – Всё убирай. Похоже, я наелся.

Я рассмеялась и, схватив его в охапку, принялась целовать, гладить и приговаривать голосом Бабы-Яги из фильма «Морозко»:

– Котик, ты мой котик,
Тёпленький животик,
Рыженькая спинка,
Шёлкова шерстинка.

Марс выставил вперёд лапу и прижал её к моим губам. Он делал вид, что ему безразличны мои ласки, но на самом деле был в восторге от обнимашек.

– Хватит, Аврора... Я что тебе, котёнок с улицы Лизюкова? Прекрати меня облизывать.

Мир, в котором я жила, был полон условностей. Но кое-что в нём было неизменным: любовь отца, теплота воспоминаний о матери и взгляд верного кота, в котором, кажется, отражалась вся моя новая решимость.

– Завтра, котенька, мы будем непоколебимы. То есть непоколебимы... По крайней мере, язвительны. А это уже немало.

20.

Генри прибыл поздно вечером накануне бала. В гостинной он появился в дорожном плаще, запылённом и пропахшем конюшной, но с неизменной лёгкой улыбкой и безупречными манерами. Его присутствие мгновенно изменило атмосферу – мачеха стала вдвое жеманнее, Фелисити — вдвое звонче, а я... Я почувствовала, как от сердца немного отлегло.

– Лорд Эдвард передаёт вам всем наилучшие пожелания, – сказал он, обращаясь к леди Агате, избегая взгляда Мэриэн, – и сожалеет, что не может сопровождать вас завтра.

Леди Агата, поглаживая чехол для веера, вздохнула сдержанно, но выразительно.

– Мы все сожалеем. Лорд Рэдклифф очень ответственный человек: дела — прежде всего. Надеюсь, твой приезд принесёт нам немного стабильности, Генри. Девочки как на иголках уже несколько дней.

– Я здесь, чтобы вас успокоить. Прослежу, чтобы всё прошло как нельзя лучше, – ответил он матери, а потом перевёл взгляд на меня. – И, разумеется, чтобы быть свидетелем

лем великого события – дебюта самой загадочной девушки в Эвервуде.

Я едва заметно усмехнулась. Было бы проще, если бы я действительно была загадочной. В реальности я больше походила на воробья, который по ошибке попал в вольтер для павлинов.

Утро следующего дня прошло незаметно, словно в тумане. День пролетел быстро, и вот уже наступил вечер.

Карета покачивалась в темноте, словно корабль в предгрозовом море. За окнами мерцали огни факелов и фонарей. На мокрой от дождя мостовой отражались колёса других экипажей. Моё сердце колотилось так сильно, что я была уверена: его слышат все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.